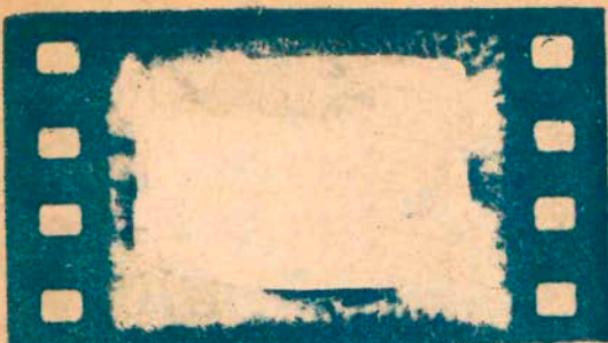

БИБЛИОТЕКА КИНОДРАМАТУРГА

Бр. Г. и С. Васильевы

ЧАПАЕВ

киносценарий

ГОСКИНОИЗДАТ
МОСКВА 1943

БИБЛИОТЕКА КИНОДРАМАТУРГА

Ч А П А Е В

По материалам
д. ФУРМАНОВА и А. ФУРМАНОВОЙ

*Авторский сценарий
бр. Г. и С. ВАСИЛЬЕВЫХ*

Г О С К И Н О И З Д А Т
Москва 1943

Часть первая

Из-за бугра, прямо на аппарат, вылетает тройка...

Навстречу ей — толпа бегущих людей, часть из них без винтовок, кое-кто и босиком.

Тройка врезалась в толпу. Сидящий в пролете человек выпрямился во весь рост:

— Стой.. Куда?

Толпа окружила пролетку с любимым командром.

Это Чапаев.

Захлебываясь от волнения, один из партизан «рапортует»:

— Чехи с хутора выбили!

Чапаев ринулся к нему:

— Чехи?.. А винтовка твоя где?!

Партизан растерянно махнул рукой в ту сторону, откуда прибежал вместе со всеми:

— Винтовка там! — и бросился бежать обратно на хутор, где чехи...

Чапаев взмахнул рукой и крикнул кучеру:
— А ну... давай!

Толпа устремилась за ним. Кое-кто из слабо-
сильных бежал, придерживаясь за крылья про-
летки.

* * *

По дороге идет толпа отступающих парти-
зан... Впереди показалось облако пыли... Ра-
стет... Партизаны остановились, кто-то узнал
чапаевскую тройку...

— Чапай!

И толпа бегом устремилась обратно.

Тройка, на ходу обраставая бегущими людьми,
как снежный ком, захлестнула чешский пикет
и ворвась в хутор. Кучер осадил тройку, и
верный ординарец Чапаева — Петька застрочил
из пулемета.

* * *

В занятом хуторе. Стоят люди в строю...
Часть без винтовок, а кое-кто и босиком. Чапаев
оглядел фронт и подошел к правофлан-
говому.

— Винтовка твоя где?

Партизан вытянулся и, виновато моргая, про-
мямлил:

— Товарищ начдив... Василий Иванович... По-
терял в речке, когда с хутора драпали!

Чапаев прищурился.

— Найди!

Партизан отдал честь, побежал к берегу реч-
ки и бултыхнулся в воду.

Чапаев подошел к другому партизану:

— А где твой пулемет, Пастухов?

— Я его, Василий Иванович, сам в речке
спрятал... вот тут, у самого бережку... — и, не
дожидаясь разрешения, бойко полез в воду...

Чапаев оглянулся, еще раз окинул взглядом
выстроившихся партизан:

— За хутор спасибо, товарищи бойцы! А на-
счет винтовок — вечером проверю... у всех... Ра-
зойдись!

* * *

Из лесу выходит в строю какой-то отряд...
На некоторых — краснозвездные шлемы.

Чапаев, наблюдая с мостика, оглянулся. К нему
подошел незнакомый человек.

— Здравствуйте! Я Фурманов. Назначен к вам
в дивизию комиссаром...

Чапаев критически оглядел незнакомца и уро-
нил:

— Знаю.

Фурманов кивнул головой в сторону прибыв-
шего отряда:

— Вот ткачи наши... добровольцы!

Ординарец Петька подошел к одному из при-
бывших ткачей и хлопнул его по плечу:

— Ну... прибыли?

Ткач обернулся.., И даже видавший виды Петька раскрыл рот от удивления → это была женщина. Заметив смущение Петьки, Анна улыбнулась:

— Прибыли... А вы не пулеметчик?

Петька ухмыльнулся:

— Могу быть и пулеметчиком... Что?

Чапаев облокотился на перила мостика.

— К самому делу прибыли... Получен приказ Михаила Васильевича Фрунзе. Завтра переходим в наступление.

Фурманов внимательно всматривается куда-то вниз, по течению реки.

Там еще копошится кое-кто из незадачливых бойцов, добывая со дна растерянное оружие.

Фурманов обернулся к Чапаеву и спросил:

— А что они там делают?

Чапаев искоса посмотрел и решительно отрубил:

— Купаются... Жарко.

* * *

Широкая деревенская улица. Кое-где стоят зарядные ящики, сложены какие-то вещи. Видна походная кухня.

Под окнами дома много народа... Сышен раз-

ухабистый перебор гармоники, можно разобрать слова веселой частушки.)

Вокруг ткачей и Анны крикливая ватага ча-паевцев.

В дверях показался Петька. Он недовольно окидывает взглядом группу около ткачей, вытаскивает из кобуры наган, бахахает в воздух и орет:

— Тихо, граждане... Чапай думать будет!

В наступившей тишине Петька важно опускается на ступени крыльца.

* * *

В комнате, над разостланной картой склонились люди.

И слышен голос:

— Пугачевский полк выступит в полночь... Разинцы будут в резерве...

Фурманов, заглядывая через плечо Еланя, следит за движущейся по карте рукой начштаба. У Фурманова серьезное лицо и хмурятся брови, но видно, что военная наука — для него дело еще достаточно темное.

Начштаба заканчивает объяснения:

— ...Таким образом к 10—11 часам утра станица Сломихинская будет шами занята...

Он замолчал и выжидательно взглянул на Чапаева.

— Как думаешь, Елань? — спросил Чапай комбрига, но посмотрел почему-то на комиссара.

Комбриг еще ниже склонился над картой.

— Думаю я, главный удар на правом фланге вернее!..

Чапаев внезапно прервал его:

— А как думает комиссар?

Он в упор смотрит на Фурманова. Фурманов вздрогнул от неожиданности, быстро взглянул на Чапаева и, нахмурив брови, нагнулся к карте:

— Гм... я думаю... я полагал бы... — Он смущился и искоса посмотрел на Чапаева.

На губах Чапаева веселая улыбка. Он, видимо, искренне, по-детски рад удавшемуся «подвоху».

И это как-то сразу привело в себя растерявшегося было Фурманова. Он тоже чуть улыбнулся и, в упор смотря на Чапаева, спокойно сказал:

— Командир уже принял решение... И, по-моему, оно правильное!

Лицо Чапаева стало серьезным. Он покрутил головой — «хитер комиссар, его на кривой не объедешь»... и нагнулся к карте.

Все сосредоточенно уставились на него. Чапаев уверенно работает циркулем, отмечает что-то карандашом, высчитывает.

Наконец, он поднял голову:

— Так... На то, что вы тут говорили, наплевать и забыть!.. Ну, вот что... теперь слушай, чего я буду командовать. Наступать будем с обоих флангов. Речку вброд не переходить... мост выдержит... я сам проверял. Атаку начать в пять часов утра. А пойдем мы...

Лица еще ниже склоняются к карте.

* * *

В занятой станице.

В комнате за столом сидит Дмитрий. У окна удобно расположился Чапаев. Чапаев аппетитно грызет большое яблоко. Фурманов сосредоточенно чистит картошку. В дверь входит Елань. Его рука перевязана свежим бинтом. Он как-то по особенному козырнул Фурманову и остановился перед Чапаевым.

Чапаев покосился на него:

— Ранен?

Елань вытянулся:

— Ранен, Василь Иваныч! — В голосе его явно сквозил оттенок гордости.

— Ну, и дурак! — спокойно произнес Чапаев...

Елань недоуменно уставился на своего командира.

Чапаев откусил яблоко и, хрустя им, заговорил:

— Ты есть комбриг, мой боевой заместитель, и подставлять свой лоб всякой дурацкой пуле не имеешь права...— Он замолчал, пережевывая яблоко.

Елань, все еще не понимая, смотрит на Чапаева.

— Так ведь пуля-то, Василь Иваныч, она не разбирает, кто комбриг, а кто...

— Пуля-то, конечно, не разбирает...— перебил Чапаев.— А вот ты сам разбираться должен.. Голова-то есть на плечах!

Чапаев бросил огрызок яблока и быстро поднялся.

Резким движением он схватил стоящий рядом с Фурмановым котелок и вытряхнул из него картошку.

— К примеру: идет отряд походным порядком... Где командир должен быть? — И сам себе ответил: — Впереди... на лихом коне!

Он быстро расставил на столе «отряд» и впереди командира «на лихом коне».

— Показался противник и открыл орудийный огонь...

Чапаев покосился на Фурманова, быстрым движением выхватил у него изо рта дымящуюся трубку и ловко приладил ее к «строю противника».

— Где наш командир?.. Опять может быть, впереди... потому — по одному человеку из орудий палить не станут!

Фурманов заинтересовался, подсел ближе и стал внимательно рассматривать чапаевские построения.

— Теперь... противник подошел ближе и открыл пулеметный огонь... Где должен быть командир? — Чапаев посмотрел на Еланя.— Скажем... здесь у них пулеметов десять... здесь два...— Он обозначил пулемет папиросами.— Где?

Елань уверенно ткнул рукой:

— Тут, где десять...

Чапаев укоризненно посмотрел на Еланя:

— «Тут»... Соображать должен!.. Где им тебя ухлопать легче?.. Ясно,— где десять. Значит, и должен быть ты там, где два... потому — без командира и бойцам крышка может быть!

Елань сконфуженно улыбнулся.

Чапаев невозмутимо продолжал:

— Противник перешел в атаку. Командир должен...

Он вопросительно посмотрел на комбрига.

Елань, окончательно запутавшийся, нерешительно подсказал:

—...быть ...впереди...

Чапаев перебил:

— ...должен перейти в тыл своему отряду... и, находясь на каком-нибудь возвышенном месте, наблюдать всю картину боя... иначе отряд могут обойти с флангов...

Он решительно перевернул котелок и водрузил на него картофельного «командира».

— Теперь... Умелыми действиями отряда и его командира противник отброшен и обращен в бегство... — Чапаев вошел в азарт.— Отряд преследует бегущего в панике противника!.. Где должен быть командир? Опять — впереди, на лихом коне!.. И первым ворваться в город, на плечах неприятеля! — закончил он и, улыбнувшись, посмотрел на Еланя.— Соображать надо!

Комбриг все еще стоял, не сводя глаз со стола.

Вдруг он встрепенулся.

— Э-э-э!.. А ведь ты врешь, Василь Иванович! — Он хитро подмигнул и быстро добавил:— Если надо, ты всегда сам впереди идешь!..

Чапаев пожал плечами и усмехнулся.

— Ну, так то — если надо!..

Улыбнулся и Фурманов, с интересом следивший за Чапаевым.

Часть вторая

Угол крестьянского двора. У разобранного пулемета «Максим» сидят Анна и Петька. Петька вертит в руках отдельные части пулемета и тоном заправского учителя ведет объяснение.

— А это называется затыльник...

Анна внимательно рассматривает деталь.

Сзади на заборе появился здоровый детина — партизан. Тихонько свистнул.

Петька за спиной Анны подмигнул вошедшему и выразительно кинул головой — смывайся, мол.

Детина посмотрел на Анну, понимающе усмехнулся и исчез.

Петька невозмутимо продолжает урок.

— А это называется щечки!..

Он передает Анне часть, но глаза его смотрят явно не туда, а куда-то вбок, на затылок Анны.

Анна наклоняется над новой частью. Петька, пользуясь случаем, обнимает ее за талию.

Анна удивленно обернулась и резко оттолкнула «учителя». Петька отлетел в сторону.

Во взгляде Анны просвечивает обидная насмешка.

Петька неловко сидит на земле.

Анна поправила платок на голове и, смотря

на своего сконфуженного «учителя», качнула головой.

— А это как называется? — И она передразнила его: — Затыльник... Щечки... Эх, ты — «герой»!

Окончательно убитый, Петька промямлил что-то неопределенное, вроде — «пошутил ведь»...
Она усмехнулась:

— Все вы... кобылы... «Мы да мы — чапаевцы!.. Вот насчет баб — тут вы действительно герои!

Петька встрепенулся:

— Ну, что, касаемо геройства, так это ты брось!.. Вот слазю к белым — живого языка приведу... Вот увидишь!

Анна усмехнулась:

— Насчет «языка» — добудешь или нет — там посмотрим...

Петька нагнулся к пулемету. Анна повысила голос:

— Да ты что думаешь — я уйду? Так тебе и ушла! Учи, дьявол, пулемету! — И она упрямомо повернулась к разложенным частям.

Петька радостно ухватился за пулемет и бойко затараторил, продолжая прерванный урок, правда, в несколько пониженней интонации:

— А это называется... А это называется — щечки...

И вдруг осекся... Анна выпрямилась во весь рост. Петька сообразил:

— Щеки!.. Ей богу, щеки!

Анна все еще подозрительно смотрит на него, но в его глазах такой искренний испуг, что она начинает верить.

И оба снова склоняются к «Максиму».

* * *

Аппарат отодвигается в темноту, проходит мимо изредка попадающихя слабо освещенных стенок вагонов, стоящих на железнодорожных путях провинциальной станции, и постепенно приближается к ярко освещенному окну штабного вагона. И по мере его приближения мы слышим отдельные звуки сигнального рожка, гудки маневренных паровозов, лязг буферов и свистки сцепщиков.

В хорошо отделанном салоне штабного вагона у большой карты фронта стоит офицер в форме поручика кавалерийских частей. Переставив флагшток на карте, поручик обернулся.

— На германском фронте имел честь дратиться с генералом фон-Людендорфом! А здесь — чорт знает что... Чапаев... Говорят, какой-то бывший фельдфебель!..

Он презрительно усмехнулся.

Склонившийся над бумагами полковник Бол-

роздин поднял голову и пристально посмотрел на офицера:

— Напрасно изволите смеяться, господин поручик... Чапаев — очень серьезный враг... Нам одинаково опасны и он сам и его слава...

Бороздин взял со стола стакан чаю, сделал глоток, но, не допив, отодвинул стакан от себя — чай, видимо, был холодный. Неожиданно за спиной полковника появился пожилой казак с широким русским лицом и большой окладистой бородой. Он хозяйственно и деловито поставил на стол новый стакан дымящегося чаю, привычным движением наполнил папиросами лежащий перед Бороздиным открытый портсигар и, взяв стакан с остывшим чаем, так же неслышно направился к выходу.

Бороздин окликнул его:

— Петрович!.. Принеси, пожалуйста, почту... Ординарец стоял прямо, с хорошей военной выпряткой, но не «тянулся» в струнку и даже не «ел глазами начальство». Он просто ответил:

— Слушаю, Сергей Николаевич! — повернулся, щелкнул каблуками и вышел.

Поручик проводил его глазами и ядовито повернулся к Бороздину, как бы мстя за «фон-Людендорфа».

— Не находите ли вы, господин полковник,

что ваши отношения с ординарцем слишком... слишком...

Он замялся, подыскивая, подходящее выражение. Полковник подсказал ему:

— ...патриархальны, вы хотите сказать? Наоборот!.. Они вполне современны. «Тепрота mutantur»... Времена меняются... Меняется и тактика отношений... И жаль, что вы этого не понимаете, поручик... — Насмешливо посмотрев на собеседника, он добавил: — Но, идя в атаку, вы оглядываетесь назад, чтобы вам не пустили пулю в спину!

Поручик пожал плечами:

— Мы все должны оглядываться...

Полковник уверенно взглянул на офицера:

— А вот я — не оглядываюсь... Петрович у меня с четырнадцатого года... Прошел со мной ко всем фронтам!

Чезкий стук распахнувшейся двери. Фурманов поднял голову.

В комнату вбежали два человека — ветеринар и врач и ветфельдшер. Растрепанные, растресканные, они взволнованно налетели на комиссара.

— Ругает!.. Кричит!.. Застрелит!.. — застрекотали они, перебивая друг друга.

Дмитрий ничего не понимал:

— Кто застрелит?.. За что?..

«Эстафета» заработала дальше:

— Чапаев!.. Нас обоих!.. Револьвер!.. Застрелит!..

Показав жестом на скамейку, Дмитрий, улыбаясь, спросил:

— За что же?

Приятели уселись и, несколько успокоившись, приступили к рассказу, все еще иногда перебивая друг друга.

— Из деревни к Чапаеву земляк приехал — коновал тамошний... Вот Чапаев и просит...

— Требует! — взвизгнул один из говоривших

— Да, да... Требует... экзаменовать коновала этого на доктора!

Говоривший от возмущения даже вспотел.

— Я, конечно, говорю ему, что не могут врач с ветфельдшером никого на доктора экзаменовать... — Ветврач передохнул.— Чапаев рёвчился... Обозвал нас нехорошо...

— Сукиными детьми! — торопливо вскочил фельдшер.

Но врач опять перебил его:

— Знаем, говорит, мы вас, сукиных детей, одному мужику на доктора выйти не даете... Экзаменовать, говорит, немедленно!..

— И тут же документ выдать! — успел ввернуть фельдшер.

Врач опять подхватил:

— Да, и чтобы документ — по всей форме!.. А то, говорит, в моем нагане семь богов — два на вас спорчу!

Сзади с шумом хлопнула дверь.

Ветеринары привскочили, как на пружинах, и застыли, вытянувшись во фронт.

В дверях стоял разъяренный Чапаев. Он был полуодет, в растерзанном виде, рубаха без пояса широко развевалась от резких движений.

Чапаев был действительно, по-настоящему, страшен.

— А, вы здесь, голубчики!.. Жаловаться пришли, подлецы! — И громовым голосом скомандовал: — Клистирные трубки!.. Кругом марш!

Насмерть перепуганные ветеринары дружно, как заводные солдатики, по всей форме выполнили артикул и, широко шагая полным «гусиным» шагом, скрылись за дверью.

Чапаев, исподлобья следивший за ними, резко повернулся к Дмитрию.

Фурманов пристально посмотрел на него и усмехнулся.

Чапаев загремел:

— И ты — с ними!.. Гнилую интеллигенцию поддерживаешь!..

Дмитрий спокойно возразил:

— Не могут они...

— А я говорю — могут!.. И должны!..

Чапаев возмущенно шагнул вперед и вдруг опустился на ступеньки лестницы.

— Это что ж такое?.. Вы уж не даете ни одному мужику на доктора выйти... На что это похоже?! — Он снова вскочил. — Экзаменовать немедленно!.. И документ выдать — по всей форме!

Он выжидающе приостановился. Фурманов воспользовался моментом и, стараясь вложить в свой голос максимум убедительности, заговорил:

— Понимаешь, Василь Иванович, не могут счи экзаменовать... Не имеют права... Да еще и «документ выдать по всей форме!..» — перебразнил он Чапаева и рассмеялся.

И тут же сообразил, что сделал ошибку...

Крепко стиснув зубы, Чапаев молча и неподвижно смотрел на Дмитрия в упор. Как всегда в минуты гнева, на висках у Чапаева начали вздуваться жилы... Глаза налились кровью.. Тело судорожно напружинило... Он рванулся с места и гаркнул громовым голосом:

— Над Чапаевым издеваться? Застрелию!

Он ринулся вперед, схватил подвернувшуюся из дороге табуретку и высоко занес ее над головой.

Не сводя с него глаз, Дмитрий чуть привстал с места...

Прокрипев что-то сквозь зубы по адресу «табуреткиной матери», Чапаев со страшной силой швырнул ее об пол. Табуретка с грохотом разлетелась на мелкие кусочки.

Тогда Чапаев схватил вторую табуретку и... неожиданно сел на нее, тяжело дыша, как загнанный зверь.

Встретив взгляд Фурманова, он отвернулся.

Дмитрий медленно встал. Лицо его серьезно, но в глазах бегают веселые искорки...

— Александр Македонский тоже был великий полководец... Но зачем же табуретки ломать?

Чапаев, все еще хмурый, сразу насторожился

— Македонский? Полководец? Почему не знаю?

И, скосив глаза на Дмитрия, он с ребячливой гордостью продолжал:

— Я всех великих полководцев знаю... Гарibalди... Наполеона... Суворова... А это как?: Македонский... Кто такой? Почему не знаю?

И хотя вопрос был обращен скорей к печке, чем к Фурманову, было ясно, что гроза прошла и Чапаев явно идет на мировую...

Фурманов, помня свою ошибку, покривил душой и польстил Чапаеву:

— Его мало кто знает... Он жил две тысячи лет тому назад...

Чапаев нахмурился и пробурчал:

— Ты ж вот знаешь!.. И я знать должен!..

Фурманов кивнул головой.

Чапаев пристально посмотрел на Дмитрия и нехотя, как бы подыскивая слова, медленно заговорил:

— Я ведь всего два года как грамоте-то знаю... Слыши, комиссар... — Он замялся и вдруг быстро выпалил: — Расскажи мне про Александра Македонского.

Фурманов не мог не улыбнуться. Рассмеялся и Чапаев, дружески изо всей силы хлопнул комиссара по спине. Дмитрий шутливо поежился и дружелюбно сказал:

— Рассказать могу...

Но вдруг посмотрел на Чапаева, остановился и замолчал...

Чапаев приготовился слушать и с довольной улыбкой запел:

Ты моряк, красивый сам собою,
Тебе от роду — двадцать лет...

Чапаев стоял перед Фурмановым в опорках на босу ногу, в самом растерзанном виде.

Дмитрий начал медленно говорить, тщательно подыскивая и взвешивая слова:

— Я давно хотел тебе сказать, Чапаев... Ты

бы подтянулся малость, что ли... Постоянно ходишь в таком... затрапезном виде... А ты теперь командир регулярной Красной Армии... Бойцам пример подавать должен!..

Чапаев слегка нахмурился и, хмуро усмехнувшись, добавил:

— А что же это... твой Македонский-то в белых перчатках воевал, что ли?

— Но и не ходил, как босяк! — подхватил Дмитрий.

— А ты откуда знаешь?.. Две тысячи лет тому назад!.. Э?! — ехидно прищурился Чапаев и вдруг громко рассмеялся, довольный тем, что ему все-таки наконец удалось «прищучить» комиссара.

* * *

Сышен голос:

— Крепкий тыл решает окончательную победу — говорит Ленин...

Полковник Бороздин усмехнулся.

— ...И в этом большевистский вождь прав! А у нас — в ставке верховного правителя вместо укрепления тыла усердно делят шкуру неубитого медведя!

По перрону быстро идет ординарец полковника.

Он движется какой-то странной, шатающейся походкой и почему-то оглядывается на ходу.

У штабного вагона — чех-караульный.

Ординарец ухватился за поручни и как-то очень неловко нажал ручку двери, нечаянно толкнув караульного.

Чех удивленно посмотрел на него и презрительно бросил ему вслед что-то по-чешски.

— Для восстановления России...

Бороздин обернулся.

В дверях салона стоит ординарец. Казак сильно взъярен. Его глаза тревожно бегают по сторонам. В руках он держит какую-то бумажку, и руки его заметно дрожат.

Бороздин вопросительно посмотрел на него. Казак недоверчиво оглянулся в сторону сидящего в кресле собеседника Бороздина — штатского.

Тот углубился в чтение газеты.

Казак быстро шагнул вперед и подал бумагу полковнику.

«РАПОРТ

Сего числа на рассвете задержан при попытке перебежать на сторону противника казак первой сотни пластуновского полка — Александр Потапов.

Начальник караула

поручик Сандерский».

И сбоку резолюция:

«Расстрелять. Полковник Бороздин».

Бороздин нахмурился. Зачем-то перечитал бумагу еще раз, хотя и так все было ясно. Затем посмотрел на ординарца и кивнул головой.

— Да это я подписал. — И протянул ему бумагу.

Но ординарец почему-то не брал ее... И только умоляюще смотрел на полковника.

Бороздин развел руками:

— Ничего не могу сделать, Петрович.. Дисциплина... А кроме того — о перебежчиках есть приказ главного штаба... А приказ есть приказ... Сам знаешь...

Но ординарец все еще не брал бумаги. Его губы конвульсивно дергались... Как бы умоляя широко открытыми глазами, он осмелился даже показать дрожащей рукой на бумагу.

Бороздин, видимо, не узнавая своего всегда спокойного, выдержанного слугу, с удивлением посмотрел на него и еще раз пробежал глазами бумагу.

И вдруг быстро вскинул голову:

— Погоди... Потапов... Это твой родственник, что ли?..

Ординарец потупился. Помолчал минуту и тихо уронил:

— Брат...

Полковник быстро спросил:

— Да как же ты?

Но во-время заметил любопытный взгляд штатского и замолчал.

Повертел бумагу в руках, положил ее на стол, взглянул на Потапова.

Казак молча смотрел на Бороздина умоляющими глазами верного цепного пса.

Медленным движением, как бы желая выиграть время, полковник нерешительно взял со стола карандаш.

Рука с карандашом потянулась к бумаге, минуту постояла в воздухе неподвижно, затем положила карандаш обратно на стол и потянулась к чернильнице.

Неожиданно в кадр сбоку вошла другая рука, в солдатской шинели, открыла крышку чернильницы, взяла ручку, неловко обмакнула в чернила...

Рука в солдатской шинели слегка дрожала, и крышка чернильницы громко звякнула о мраморный прибор:

Бороздин взял протянутую ручку, посмотрел на нее, снял с пера волосок (которого не было)...

И, наконец, решительно перечеркнув свою резолюцию, стал писать новую:

«Подвергнуть...»

Тревожно следя за бегающим по бумаге пером, ординарец явно заглядывал через плечо

полковника, против всех правил воинского устава, — может быть, в первый раз за всю свою долгую, верную службу...

Часть третья

ЧАПАЕВСКАЯ ДИВИЗИЯ ПРОДВИГАЛАСЬ ВПЕРЕД

Ночь. В занятой деревушке размещаются на почлег чапаевцы.

В просторной деревенской школе раздеваются Фурманов и несколько ткачей. Неожиданно распахнулась дверь и быстро вошел ткач Тереша.

Запыхавшись, он нагнулся к уже раздевшемуся Фурманову и зашептал:

— По деревне буза идет, Дмитрий.

Комиссар вопросительно уставился на Терешу. Тот оглянулся и, видя только своих, сделал выразительный жест:

— Ребята из третьего взвода — баражолят!

Фурманов перебил его:

— Найди комвзвода Жихарева — тащи сюда!

Быстро поднялся с постели и стал одеваться, путаясь в рукавах гимнастерки.

Стали одеваться и ткачи... Тереша выбежал за дверь.

* * *

У крыльца какой-то деревенской избы слышны женские крики и отчаянный визг поросенка, которого неловко ухватил рослый партизан. Перегнувшись через перила крыльца, баба впит истошным голосом:

— И что же вы делаете, ироды! Мы вас ждали, ждали, а вы последнее тащите! Вот она — советская власть!

Партизан чуть смущился и, оглянувшись, пробурчал:

— Тише, бабуся. На войне и поросенок — божий дар! — Схватил поросенка в охапку и убежал.

Рослый крестьянин с бородой веником мрачно проводил его глазами и проворчал:

— Н-да-а-а, вот хреновина!.. Как есть — карусель получается... Белые пришли — грабят, красные пришли — грабят... Ну, куда ж крестьянину податься? — Он беспомощно развел руками и передразнил кого-то: — «Свои идут! Уря... Уря...» Вот те и «уря»!.. Дождались, мать свою...

* * *

Фурманов натягивал второй сапог, когда вошел Жихарев...

Он был слегка «навеселе» и развязно подошел к Дмитрию.

— Твои ребята по деревне бараходят! Ты разрешил? — резко спросил Фурманов.

Жихарев мотнул головой.

— Я? — И, как бы в оправдание, добавил: — Знать ничего не знаю!

Фурманов пристально посмотрел на него.

— Так... — Дмитрий повысил голос: — Да ты понимаешь, что это такое?

Жихарев нагло усмехнулся и, взмахнув плеткой перед носом комиссара, повернулся к выходу.

Дмитрий поймал конец плетки и резко притянул Жихарева к себе:

— Завтра поговорим. А пока сядешь под арест! — и он показал на дверь в соседнюю комнату.

Жихарев выпрямился и грозно вытаращил глаза:

— Кого под арест? Меня? — Он двинулся на комиссара. — ...Боевого командира?! Гад!

Он рванулся вперед, на ходу расстегивая кобуру нагана.

Но Дмитрий опередил его. Он тоже шагнул вперед и с силой схватил Жихарева за руки.

Плетка выпала из ослабевшей руки комбзвода.

Фурманов выпустил Жихарева.

— Разве ж такими вещами балуют? Дура! —

усмехнулся Дмитрий и решительно повернулся к ткачам: — ...Арестовать его!

Маленький, щуплый ткач в буденовке спокойно подошел к Жихареву, расстегнул кобуру, вынул наган, поднял с пола упавшую плетку и, всунув ее в руку растерянного партизана, указал ему на дверь соседней комнаты.

Жихарев сразу увял и, потоптавшись на месте, обернулся по направлению к своей «гауптвахте»... Но Фурманов остановил его:

— Погоди... — и подсунул ему бумажку: — сначала подпиши приказ! И чтобы все было отдано до нитки!

Жихарев безнадежно махнул рукой и потянулся за карандашом.

* * *

К крыльцу избы быстро подошел Чапаев, заnim Петька. Чапаев с силой рванул дверь.

Внутри избы, у самых дверей Чапаев столкнулся с Фурмановым, который, надевая фуражку, шел к выходу. В руках Дмитрия был приказ Жихарева...

— Где Жихарев? — мрачно спросил Чапаев Дмитрия.

Фурманов спокойно ответил:

— Тут... Сидит под арестом.

И махнул рукой в сторону запертой двери в соседнюю комнату.

У двери на карауле стоял маленький ткач с винтовкой.

Чапаев вытаращил глаза, ничего не понимая.

Дмитрий, мигнув Терентию, незаметно передал ему бумагу..

Тереша схватил ее, понимающе кивнул головой и быстро вышел.

Чапаев резко повернулся к Дмитрию:

— Ты знаешь, что Жихарев — мой боевой товарищ?

— Знаю.

— А ты его под арест? Ты! Как ты смел?..
Бумажная душа!

Дмитрий обозлился и тоже заорал:

— А ты знаешь, что он вроде разрешил своим...

— Разрешил! Разрешил... — перебил его Чапаев и загремел: — ...Что он разрешил — только я один могу запретить! Понял? — И решительно направился к двери «гауптвахты».

Но ему преградил дорогу ткач — караульный. Руки ткача, державшие винтовку, слегка дрожали, но ткач все-таки нашел в себе мужество даже выдавить сквозь зубы:

— Не пущу, товарищ начдив.

Петъка, сделав «грозное» лицо, двинулся было на караульного... но вдруг остановился.

Чапаев медленно, не сводя глаз с Фурманова, повернулся, неожиданным движением сбросил с себя шинель, папаху, расстегнул пояс, бросил на пол шашку, револьвер... Теперь он стоял перед Дмитрием почти в том же растерзанном виде, как тогда, во время ссоры из-за ветеринаров.

В наступившей тишине ясно слышно его напряженное дыхание:

— Кто хозяин дивизии? Ты или я?

Фурманов спокойно поднял голову:

— Ты! И я!

— Я — Чапаев!.. — Чапаев шагнул вперед и вдруг опустился на стоящую посреди комнаты парту. — ...Ты понимаешь, что я — Чапаев?.. А ты... Кто ты такой? Кто тебя сюда прислал? — Он рванулся к Фурманову: — К чужой славе хочешь примазаться? А ну — вон из дивизии к чертовой матери!

Он выразительно взмахнул рукой и вдруг, как бы считая разговор оконченным, резко опустился на стоящий рядом ящик.

Фурманов повернулся к нему и, стараясь казаться спокойным, сказал:

— Славы мне твоей не нужно... А из дивизии меня может отозвать только тот, кто

прислал — партия. — Он подошел вплотную к Чапаеву. Ты ведь тоже коммунист. Сам должен понимать!

— Хм! А что, товарищи-граждане, красные армейцы...

Фурманов повернулся голову.

В дверях впереди группы крестьян стоял знакомый уже нам Бородач:

— ...который из вас Чапай будет? — Он вопросительно обвел присутствующих глазами.

Чапаев, все еще угрюмый, повернулся голову.

— Ну, я!

Бородач подозрительно оглянулся его с ног до головы.

— А не врешь? — нерешительно спросил он, с недоверием поглядывая на растерзанный ворот чапаевской рубахи.

Чапаев инстинктивным движением застегнул ворот, чуть улыбнулся и уже гораздо приветливее подтвердил:

— Не вру. Я самый и есть!

Бородач кивнул головой.

— Ну тогда я к тебе...

Подошел ближе и улыбнулся широкой добродушной улыбкой.

— ...Спасибо тебе, Василь Иванович. Отдали твои ребята баракчишко-то... Все как есть вернули!

Чапаев

Чапаев недоуменно поднял брови и посмотрел на Фурманова.

Тот улыбнулся и знаком показал Чапаеву на дверь «гауптвахты».

Бородач продолжал:

— ...А то — карусель, говорю, получается. Белые пришли — грабят, красные пришли — тоже, извиняюсь, грабить начали... — И он развел руками. — Куда ж хрестьянину податься?

Мужики за спиной бородача загудели хором:

— Ясно! А то мужику податься некуда!

Довольный поддержкой, бородач закончил свою нехитрую речь:

— Ну, коли так, еще раз тебе, Василь Иванович, наше спасибо!

Потоптался на месте, как стреноженная лошадь, и вдруг нерешительно протянул руку Чапаю.

— От общества! — как бы в оправдание пояснил бородач.

Чапаев искоса посмотрел на Фурманова и с явным удовольствием пожал руку «делегату».

Вполне довольный собой, бородач обернулся к товарищам и горделиво подмигнул: «видели, мол, как мы с ним».

Скрипнула дверь «гауптвахты». В щель высунулась смущенная фигура Жихарева... Но Чапаев, встретившись с ним глазами, выразительно

захмурил брови. И тот сразу смылся, захлопнув свою дверь.

Часовой оглянулся и запер дверь на задвижку.

Фурманов в дверях прощается с делегатами.

Чапаев проследил за ним взглядом, подождал, пока крестьяне вышли из комнаты, и решительно встал.

— Слыши, комиссар... — Он явно старается не смотреть на Дмитрия. — ...Ты созови митинг. Я... говорить буду!

Дмитрий ласково смотрит на него и, стараясь не показать улыбки, выходит в дверь.

Петька появляется около Чапаева и, подавая ему сброшенное снаряжение, таинственно шепчет:

— Василь Иванович! А комиссар-то парень...

Он не может подобрать выражения и только жестом руки высоко вверх определяет уважительность своего отношения к Фурманову и характеризует его самого.

— ...А я думал...

И снова колебательным жестом руки ни вверх ни вниз он пытается определить ошибочность своего первоначального мнения о комиссаре, как о человеке «так себе, ни то ни се».

-- Ты думал!.. — передразнивает его Чапаев. И также таинственно, с оттенком хвастливой гордости, добавляет: — ...Знаешь, уж к Чапаеву не пришлют... замухрышику какого-нибудь.

* * *

Перед крыльцом школы шумит собравшаяся на летучий митинг толпа.

Здесь — партизаны чапаевской вольницы, ивановские ткачи и многое крестьян.

На перилах крыльца сидит Фурманов, прислушиваясь к говору толпы.

Но вот на крыльце появляется Чапаев. Он снова в папахе и на нем — по всем правилам устава — надето снаряжение.

Люди стихли. Все повернулись к нему.

Чапаев встал, еще раз пробежал глазами по лицам и решительно вскинул голову:

— Это как же понимать... товарищи бойцы? Позор дивизии нашей, всей Красной армии... пятно! — Голос Чапаева зазвенел. — ...Вы у кого тащите? У своего же мужика... тащите! А между прочим... мы за этого мужика да за рабочего жизни свои кладем... Супротив эксплоатации... и прочего там... капиталу разного!

Тихо. Молча стоят люди.

— Разве ж за то слава о нас идет? Разве ж бандиты чапаевцы?! Ну, гляди у меня, «ге-

рои»! — Он выпрямился во весь рост и загремел: — Я буду расстреливать каждого, кто наперед будет замечен в грабеже! Сам — вот этой вот — расстреляю подлеца! — Чапаев энергически потряс в воздухе правой рукой. — А я попадусь — стреляй меня! Не жалей Чапаева! Я вам где командир? Только в строю! А на воле — я вам товарищ...

Чапаев все больше и больше увлекается своей «речью» и общим вниманием.

— Я чай пью — садись со мной чай пить! Я обедаю — пожалуйста, кушать! Вот какой я командир! Я правильно говорю, товарищи? Правильно я говорю?

Партизаны, ткачи, крестьяне дружно загудели:

— Верно сказал. В самую точку! Помереть — лучше не надо!

Чапаев широко улыбнулся и, все еще тяжело дыша после непривычно долгой речи, опустился на скамью и с какой-то наивной гордостью посмотрел на Фурманова.

Дмитрий невольно улыбнулся.

Бородач, о чем-то пошептавшись с мужиками, опять подошел к Чапаеву.

— Вот, Василь Иванович, мужики сомневаются... К примеру, гы за большевиков али за коммунистов?

Чапаев сразу смущился и, недоумевая, спросил:

— Чего?

Бородач тоже почему-то смущился, но повторил:

— Я спрашиваю... Вы за большевиков или за коммунистов?

Стало тихо...

Партизаны, крестьяне, ткачи — все смотрели на Чапаева и ждали, что он ответит.

Чапаев чувствовал это. Помолчав, покосился на Фурманова, пробурчал:

— Я за... Интернационал! — и вздохнул с облегчением.

Дмитрий улыбнулся и переспросил:

— А ты за какой — второй или третий?

Чапаев недоуменно поднял голову:

— Чего за второй?

Фурманов спокойно разъяснил:

— Интернационал.

Чапаев замялся и хмуро ответил:

— Ну уж, за какой нужно, за тот и стою...

— А все-таки — за второй или за третий? — упорствовал Дмитрий.

Чапаев даже вспотел от непривычного напряжения, но упорно не сдавался.

Вдруг он вскинул голову и быстро спросил Дмитрия:

— А Ленин — в каком?

— В третьем, — ответил Фурманов. — Он его и создал — третий, большевистский.

— Ну, и я за третий! — решительно перебил его Чапаев.

Часть четвертая

Постепенно усиливаясь, слышится тикание часов.

Чьи-то ловкие руки заканчивают сборку пулемета. Это — Анна. Она работает быстро, уже привычно орудуя пальцами. Как бы подгоняя ее, тут же рядом стоит тикающий будильник.

У окна, облокотившись на подоконник, сидит Петька и рассеянно наблюдает за работой.

Анна ловко вставила замок, щелкнула рукояткой и торжествующе повернулась к Петьке.

— Все!

Петька кивнул головой, хотел что-то сказать, но его перебил резкий звонок будильника. Петька вздрогнул и, невесело улыбнувшись, сказал:

— И даже раньше срока... молодец Анна — превзошла технику!

Анна довольно улыбается, с видом ученика, выдержавшего трудный экзамен... Петька подошел к пулемету, откинул рукоятку, щелкнул замком и грустно посмотрел на нее:

— Учебе шабаш, Анна, теперь вы с «Максимом» — друзья-приятели...

Анна погладила тряпкой и без того блестящие части пулемета и исподлобья улыбнулась Петьке. Петька покрутил головой и почему-то отошел к окну. Вид у него был рассеянный... Видимо, мысли Петьки блуждали где-то в другом месте.

Он открыл окно.

Откуда-то издалека доносятся печальные звуки баяна. И на фоне этой грустной русской мелодии развертывается вся дальнейшая сцена.

Петька все с теми же отсутствующими глазами прислушался, помолчал. Затем, как бы придавя в себя, быстро обернулся, взял стоящую в углу винтовку, закинул ремень за плечо. Искоса взглянул на Анну:

— Насчет геройства... с бабами... ты говори-
ла... Вот к белякам ухожу — в гости.— И до-
бавил с явной гордостью:— Чапай с комиссаром
ответственное поручение дали...

Анна с любопытством потянулась к нему.
— ...языка добыть!

Анна кивнула, но все-таки слегка улыбнулась:
— А сможешь?

Петька разом нахмурился:

— Я все могу! — и, решительно повернувшись,
пошел к выходу.

У самой двери он неожиданно остановился. Постоял неподвижно, повернул голову, через плечо посмотрел на Анну.

Он смотрел долго и вдруг решительно двинулся к Анне.

Анна чуть вздрогнула и отступила.

В глазах ее уже не было прежней насмешки, но все же она смотрела на него с холодным, как ему показалось, спокойствием. И Петька сразу остановился на полдороге, помялся и протянул ей руку.

Почему-то, как бы обрадовавшись, Анна быстро схватила его руку и крепко пожала. Петька хотел что-то сказать, но только махнул рукой, быстро повернулся и вышел.

Анна подбежала к окну, кинулась к двери и выбежала на двор.

Петька, не оглядываясь, шел по улице.

Анна долго смотрела ему вслед. В ее глазах появилось какое-то новое выражение...

* * *

Туман над рекой. Льется все та же грустная мелодия баяна. Рассвет... Лучи восходящего солнца просвещивают сквозь облака утреннего пара над тихой водной гладью.

Кусты на обрыве тихо раздвинулись и показалась физиономия Петьки.

Он навострил уши и горящими глазами охотничьей собаки на стойке заглянул куда-то вниз...

У самого берега речушки — силуэт человека в казачьей форме. Он сидит на самом конце сваленного в воду дерева, свесив босые ноги, и удит рыбу...

У самого берега, в кустах, выполз Петька. В нескольких шагах от него, у подножья опрокинутого в воду дерева — сапоги и винтовка рыболова.

Петька ползком двинулся вперед.

Поплавок легко дернулся... Человек напряженно вытянулся вперед...

Сзади — тихий, но явно окликающий свист. Человек вздрагивает и обворачивается...

Петька стоит на берегу в воинственной позе. Он предостерегающе подносит палец к губам и выразительно поднимает винтовку... Человек в ужасе смотрит на Петьку.

Поплавок резко дергается... леска вытягивает-
ся... Человек делает инстинктивное движение к
удочке и вдруг, не удержавшись, падает в воду...

Петька, ухмыляясь, спокойно выжидает.
Над нырнувшим человеком расходятся круги...
Но вот вода зашевелилась и на поверхности с шумом появился человек... Он, отфыркиваясь,

выплонул набравшуюся в рот воду и глубоко вздохнул...

Петька делает грозное лицо и решительно встряхивает своей винтовкой.

Человек молча, неуклюже, медвежьей походкой пошел на берег. Он идет, не сводя глаз с Петьки. С бороды струйками стекает вода... И теперь мы узнаем в этом странном рыболове ординарца полковника Бороздина — Потапова.

Потапов уже в нескольких шагах от Петьки... Вдруг его большая фигура быстро наклоняется вниз. Он хватает лежащую на земле винтовку, вскидывает ее и резко щелкает затвором.

Сухой щелк курка... И мы видим довольное, улыбающееся лицо Петьки...

— Эх, ты... дядя... я же патроны-то вынул... Положь винтовку... не балуй!.. Ну! — и он решительно вскидывает свою винтовку.

Потапов опустил ненужную винтовку и вдруг сразу как-то обмяк.

Теперь этот большой, здоровый человек казался совсем не страшным... Не то от холода, не то от нервного напряжения тело его дрожит мелкой дрожью и зубы выступают дробь.

Петька оглянулся. На берегу никого больше не было видно. Он опустился на пенек, все еще не сводя винтовки с дрожащего Потапова,

хитро смотрит на мокрого человека и насмешливо спрашивает:

— Много ершей пытал?

Потапов опустил голову.

Петъка совсем развеселился... Видимо, он был упоен своей властью над этим большим, бородатым дядей...

— Ухи захотел, растяпа?

Потапов повернул голову куда-то в сторону и дрожащим, хриплым голосом ответил:

— Са... Саньке...

Петъка удивленно переспросил:

— Кому?

Голос Потапова задрожал сильнее...

— ...Саньке... Брат... помирает... ухи просит... — Потапов тяжело вздохнул.

Петъка нахмурился, помолчал, потом посмотрел на вздрагивающего Потапова... взял лежащие на земле сапоги и кинул казаку. Потапов стал неловко обуваться. Петъка посмотрел на него и тихо спросил:

— Ранен, что ли... брат-то?

Потапов также тихо ответил:

— Н-нет... шомполами...

Петъка пристально посмотрел на казака и покачал головой.

— Шомполами, говоришь? И ты ж им служишь?

Потапов нахохлился, помолчал... Потом поднял голову.

— Умирает Санька... Ухи просит... Отпустил бы ты меня... а?

Он молчит так долго, что это кажется уже перетяжкой и вдруг неожиданно...

За кадром послышался новый голос...

— И ты — отпустил?

Это Чапаев. Он сидит против Петъки, рядом с Фурмановым.

Оба они удивленно смотрят на Петъку.

Петъка сидит на табуретке в той же позе и мнется, не зная, что сказать, чувствуя свою вину и не будучи в силах доказать, что иначе он поступить не мог... Он только вздохнул и мотнул головой.

— Отпустил, Василь Иванович... а винтовку его принес... — Он нагнулся и поднял с пола винтовку заграничного образца.

Чапаев резко дернулся к нему:

— Что!.. У, раззыва! — и решительно добавил: — В трибунал!.. Лоботряс!

Петъка вытянулся:

— Есть трибунал... Василь Иванович!..

Комиссар встал и, взяв какие-то бумажки со стола, вышел в дверь. Петъка тоже отошел... поставил к стене винтовку.

Чапаев знаком остановил его.

Чапаев оглянулся на дверь и зачем-то скосил глаза на кончики своих сапог. Они были ярко начищены, и носки блестели нестерпимо.

— И вообще ты маненько подтянись! Ходишь... в каком-то... затрапезном виде!..

Петьяка удивленно смотрит на Чапаева. Но Чапаев, явно не замечая, что говорит словами Фурманова, продолжает:

— Ты есть сознательный боец регулярной Красной Армии... мой ординарец!.. Должен бойцам пример показывать, а ты ходишь, как боясь! Что это?! — он решительно оттянул вперед растегнутый на животе Петьякин «мундир»: — Одним словом, в трибунал!

Блеск полированного дерева.
По слабо освещенным клавишам рояля бегают
чью-то уверенные руки...

В штабном вагоне полутьма, горит только небольшая лампа на столе. Из окна на пол ложатся какие-то странные, причудливые тени. Свечи у пианино не горят... Полковник Бороздин играет без нот, на память...

И в воздухе плывет торжественная, спокойная мелодия бетховенской «Лунной сонаты»...

И в этих звуках по вагону медленно двигается Потапов, делая какие-то странные, танцующие движения...

Приглядевшись, мы замечаем, что он ногой натирает тряпкой линолеум.

Плынут торжественные звуки сонаты. В ритме, вероятно, уже знакомой ему мелодии Потапов работает с привычной ловкостью... Но вот его лицо уже совсем близко, и мы замечаем, что это ловкость автомата. Сознание его выключено почти полностью. С полузакрытыми глазами, он движется неслышно, как сонамбула...

Он скользит в таинственной полутиме, изредка освещаемый слабыми лучами света из окон вагона. И его нелепые, танцующие движения как-то странно «ложатся» на спокойные, торжественные звуки мелодии сонаты...

Но вот он остановился. На столе перед ним — забытый документ:

«Расстрелять. Полковник Бороздин».
«Подвергнуть экзекуции. Полковник
Бороздин».

Потапов сразу как бы вышел из транса. Бороздин продолжает играть...

Потапов стоит неподвижно и широко открытыми глазами, не мигая, смотрит на затылок своему барину...

В кадре бритый череп полковника... И на его блестящей поверхности отражаются слабые блики света...

Неожиданно плавная волна спокойной мелодии прорезалась грохотом.

Бороздин вздрогнул, но, уверенный в своем слуге, не прекратил игру и, только повернув голову, посмотрел на Потапова. Ординарец неловко поднимал с полу упавшую щетку. Бороздин ничего не сказал и отвернулся.

Все также плавно, в величавом спокойствии льется торжественная мелодия. И вдруг на эту ясную, почти прозрачную, нежную ткань мелодии нелепо «накладывается» откуда-то из-за кадра хриплый, корявый человеческий голос:

— Помер... брат-то!.. Санька... помер!

И глухое рыданье мужчины...

Мелодия сразу оборвалась... Но привычные руки музыканта инстинктивно взяли последний аккорд.

Не оборачиваясь к Потапову, Бороздин резким движением опустил крышку рояля... Она захлопнулась с глухим стуком, как крышка гроба...

В длинном затемнении полированное дерево еще долго отвечает своим призрачным, холодным блеском...

Часть пятая

В кустах у реки — два красноармейца-часовые.

Один из них, молодой паренек, сидит на пеньке, облокотившись на винтовку; другой, пожилой партизан, сидит у него в ногах.

— ...Тоже из крестьян... он-то, Василь Иванович!.. Потом в Болокове плотничал...

— Да ну? — не выдержал молодой.

— Угу! А теперь — полководец и командир... да еще какой! — восхищенно закивал партизан. — ...Михаил Василич Фрунзе армию хотел дать Василь Ивановичу...

— Да ну?!

— Ты, говорит, Чапай... да я, гээриг... Мы, говорит...

— Да ну?!

— Отказался Василь Иванович!

В кустах зашумело. Оба подняли головы.

Кусты зашуршили сильнее. Темная фигура показалась в просвете... Молодой красноармеец еスキнул винтовку:

— Кто идет?

И почти одновременно спустил курок. Грохнул выстрел. Пожилой красноармеец вскочил на ноги.

— Что ты делаешь, дура!.. Дай ответить!

Красноармеец виновато ухмыльнулся:
— Какая разница?.. Все равно не попал!
Между тем фигура уже вышла из кустов.
Это Фурманов... Красноармейцы узнали комиссара. Фурманов подошел.

— Что вы не спите,— это хорошо... А вот пальить зря не следует! А уж если стреляешь,— так попадай.

Красноармейцы переглянулись. Фурманов опустился возле них.

— Тихо?

Красноармейцы одновременно:

— Тихо, товарищ комиссар!

Сзади кто-то вежливо кашлянул. Красноармейцы испуганно повернулись. Прямо перед ними стоит казак. Он без винтовки, но шашка болтается на боку... Красноармейцы схватились за винтовки. Фурманов вскочил:

— Стой!

Потапов — это был он — испуганно отпрянул назад и незаметно перекрестился.

— Руки вверх! — скомандовал Фурманов.

Потапов послушно поднял руки. Фурманов подошел к нему:

— Разведчик?

Потапов хмуро мотнул головой:

— К вам я... Давеча паренек ваш меня поймал... да отпустил... Теперь сам пришел...

Фурманов вглядывается в казака:

— А... Петькин беляк... Значит... так... Ну, давай оружие!

Потапов покорно стал снимать шашку.

* * *

Чапаев, сидя на полу, опираясь одной рукой на разложенную карту, смотрит снизу вверх.

— Так завтра, говоришь, назначено наступление?

Потапов утвердительно кивнул головой:

— Так точно!

Чапаев провел рукой по усам:

— Офицерские части, говоришь... Каппелевцы?

Потапов опять утвердительно кивнул и вдруг, как бы вспомнив что-то очень важное, нагнулся к Чапаеву.

— Так точно... Атаку они придумали... там, в штабе... Пси... психическую какую-то... что ли?..

Фурманов взглянул на Чапаева.

Чапаев что-то соображает, потом обращается к Петьке:

— Сведи его к завхозу, пусть там при кухне побудет.

Петька подходит к Потапову:

— Ну, пойдем... Я, брат, из-за тебя, дядя,

чуть под суд не попал! — Он шутливо подталкивает Потапова, и они скрываются в дверях. Фурманов повернулся к Чапаеву.

Чапаев неожиданно вскинул голову:

— Ну, как думаешь, комиссар?

Фурманов нагнулся к карте, внимательно рассматривает ее, потом поворачивается к Чапаеву:

— Они хотят остановить нас переходом в контраступление... И собирают кулак из ударных частей...

Чапаев удивленно-одобрительно посмотрел на Дмитрия... и только промурлыкал:

— М-м, да-а-а...

Фурманов посмотрел на него и в тон ему спросил:

— А как думает командир?

Чапаев погрузился в рассматривание карты. Пауза. Чапаев что-то отмечает на карте и, наконец, просто говорит:

— Ничего... Встретим!

Фурманов поднялся:

— Я в подив... коммунистов соберу...

Чапаев ничего не ответил.

Фурманов вышел.

Чапаев поднял голову.

— Психическая... Ну, хрен с ней! Давай психическую! — И он снова наклонился к карте.

* * *

На всю избу разносится мирный храп.

Чапаев в одной рубашке ползает по карте, расположенной на полу, и вполголоса напевает «черного ворона». Около него в бутылке — оплавивший огарок свечи.

Храп идет из кучи овчины на палатах.

Чапаев напевает себе под нос и от времени до времени издает отрывистые восклицания...

Храп прекратился. Куча зашевелилась и из-под нее показалась заспанная физиономия Петьки. Он свесился с полатей и долго наблюдает за Чапаевым. Чапаев погружен в работу. Петька прерывает молчание.

— В бой, Василь Иванович, завтра, значит?

Чапаев приподнял голову:

— З-значит... А ты чего не спишь?

Петька скрочил хитрую рожу:

— Да, спи!! А потом скажешь — вот, дескать, все спали... Одному пришлось с казаками воевать!..

Чапаев не ответил. Петька стал серьезным:

— Ложился ли, Василь Иванович?

Чапаев, не поднимая головы:

— Ложился... Спи ты, чорт!

Петька не отстает:

— Может, вчерась?

Чапаев отмахивается:

— А ты что — ревизор?.. Вот еще сонный комиссар объявился!

Он задумчиво смотрит на карту и снова начинает напевать.

Петъка подхватывает припев.

Чапаев покачивает головой, как бы отвечая собственным мыслям:

— Да-а... А... патронов маловато... Да и людей не мешало бы побольше... Ну, да ничего... ничего... ничего!..

Пауза. Петъка, свесившись, следит за Чапаевым. Чапаев распластался на карте. Петъка опять нарушает молчание:

— Гляжу я на тебя, Василь Иванович, недоступный ты для моего разума человек... Наполеон... Прямо — Наполеон!

Чапаев усмехнулся.

— Хуже, Петъка, хуже... Наполеону-то легче было... Ни тебе пулеметов, ни тебе аэропланов. Благодать! — И с оттенком гордости добавил: — Вон мне на днях тоже самолет прислали!.. Одного бензину, сквочку, жрет — не напасешься!

Петъка сочувственно кивает, потом шмыгает носом из уважения и говорит:

— Василь Иванович, а ты армией командовать можешь?

Чапаев, не отрываясь от работы:

— Могу...

Петъка, восторгаясь:

— А — фронтом?

Чапаев кивает головой:

— Могу. Петъка... Могу!..

Петъка делает большие глаза:

— А всеми вооруженными силами республики?

Чапаев на минуту приостановился:

— Малость подучиться только... Смогу и вооруженными силами...

Петъка окончательно умилен:

— Ну, а в мировом масштабе, Василь Иванович, совладаешь?

Чапаев задумался, потом серьезно ответил:

— Нет... Не сумею. Языков не знаю!.. Да спи ты, наконец, чортова болтючка!

Петъка испуганно забивается под овчину.

Чапаев опять растягивается на карте.

Часть шестая

На пригорке — стоя, сидя и лежа — группа людей.

Здесь Елань, Петъка и еще несколько командиров и ординарцев.

Чапаев, сидя на коне, всматривается вдаль. Кто-то по карте сверяет расположение частей.

Чапаев опускает бинокль.

— Часа через пол начнут атаку... Все на месте? — повернулся он к Еланю.

Тот приподнялся от карты:

— Все... Кроме — кавэскадрона...

Чапаев выругался:

— Жукова, подлеца, расстреляю!

Елань покачал головой.

Чапаев резко повернулся:

— Петька!

Петька вскочил.

— Край в эскадрон! — приказал Чапаев.

— Есть! — откозырял Петька и бегом бросился к коновязи.

В цепи располагаются красноармейцы...

В стороне — на отлете — пулеметное гнездо.

У пулемета лежат двое — в последний раз проверяют готовность.

Анна старается сдерживать волнение.

— А как, хватит нам патронов?

Пулеметчик подумал, пожал плечами.

— Какой бой!.. Для хорошего боя и на полчаса нехватит!

У полевой кухни возятся два человека: казак-перебежчик (Потапов) и молодой паренек в красноармейской форме не по росту. Потапов хмуро размешивает кашу в кotle большим жестяным черпаком.

К кухне подъехал знакомый нам дядя с бородой веником, бросил какой-то мешок и, ухмыльнувшись, крикнул Потапову:

— Принимай, стряпуха!

Потапов вздрогнул, обернулся и мрачно посмотрел на бородача. Тот сразу торопливо дернул вожжи; лошадь рванулась и вышла из кадра...

* * *

Петька вихрем взлетает на пригорок и осаживает юнона перед Чапаевым. Все поворачиваются к нему. Он пытается рапортовать, но от волнения переходит на простую речь:

— Василь Иванович!.. Буза в эскадроне... командира убили!

Чапаев рванулся к Петьке:

— Что?.. Жукова убили?!

Он натягивает повод, дает шенкеля и с места берет в карьер. Петька за ним.

Елань вскакивает:

— Василь Иванович... Возьми ребят с собой!

Чапаев уже далеко.

— К чорту!.. Один справлюсь! — доносится его голос.

* * *

На лесной поляне кричат люди. Это партизаны чапаевской вольницы. Они ожесточенно ма-

шут руками. Потрясают оружием. И кому-то грозят.

В центре, перед толпой,— пожилой красноармеец. Он старается перекричать шум.

Крики затихают. И теперь можно разобрать то, что кричит красноармеец. Он старается быть спокойным, но голос его прёрывается:

— Товарищи!..

Це ж неправда!.. Це же — вороги роблютъ!..
Бо ѡо ж нам з того, ѿо мы заберемо свое, а
паны круг нас гуляютъ? Треба усих паянъ биты!

Из толпы дернулась фигура:

— Ты иди!.. А нас не заставляй!

Красноармеец напряг усилия:

— Треба з своего села йты у вси села!
Скризы! Скризы!..

Он не закончил. Фигура отделилась от толпы и, оттолкнув говорившего, заняла его место.

— Хватит... Навоевались!.. Нехай теперь другие воюют. Чего же нам от своих домов уходить?

Парень в фуражке с оборваным козырьком восторженно завопил:

— Правильно!.. Не пойдем дальше!

Строй колыхнулся и зашумел. Фигура подтянула оторванный рукав и, перекрикивая всех, заорала:

— Намучились!.. По домам, ребята!

И вдруг — тишина.

Люди вспомнили о строю. Ищут свои места. Расталкивают друг друга.

Фигура осталась одна. Вот она недоуменно поворачивается назад... Взмахивает винтовкой...

И в ту же минуту грохает выстрел.

Фигура всплескивает руками и летит вниз.

Только теперь мы видим Чапаева. Он стоит на земле. В правой руке у него наган. Позади Петька держит на поводу его лошадь.

Чапаев делает несколько шагов к строю, на ходу закладывая револьвер в кобуру.

Неподвижно замер строй.

И вдруг неожиданно — спокойный голос. Чапаева:

— Подравняйся!.. Смирно!

Становится совсем тихо. И становится слышной далекая канонада.

Чапаев выпрямился.

— Там... — он махнул рукой в сторону нарастающей канонады — ...лучшие сыны народа жизни свои кладут... за наше революционное дело... А вы... — голос его загремел, заглушая гул орудий: — ...кровью искупите вину свою!

И, уже садясь на коня, добавил:

— А я впереди пойду.

Он тронул повод...

Сзади грохнул выстрел. Чапаев быстро обернулся:

— Кто стрелял?

В строю явное смущение. Минутся красноармейцы... Молчат... Чапаев напружился.

— Кто стрелял?

Из строя смущенно повернулся человек.

— Мы тут, Василь Иванович... Сами одного кокнули...

Красноармейцы расступились... На земле распласталась фигура человека... Фуражка с оторванным козырьком нелепо торчала из-под бритого черепа.

Раздался резкий звук сигнального горна «по коням».

Ноги вокруг фигуры быстро исчезли.

Орудийные раскаты стали чаще...

В промежутках между ними еле слышно застрекотали пулеметы.

* * *

У полевой кухни, прислушиваясь к огдаленному шуму боя, сидит Потапов. Паречек притих, молчит и казак... Мальчик прислушивается к далеким раскатам и вдруг спрашивает:

— Дяденька... а дяденька! За что люди на смерть идут?

Казак не ожидал такого вопроса:

— За что?.. Ясно за что — за жизнь... Каждому хорошей жизни хочется...

И они снова прислушиваются к нарастающему грохоту орудий:

* * *

Прямо на аппарат сомкнутым строем движется рота.

Черная, «особая» форма. На плечах — сверкающие погоны. Это офицеры. Они идут медленно, соблюдая равнение. За правым плечом на ремнях поблескивают винтовки.

Аппарат отступает все дальше и дальше.

Один из идущих взмахивает руками и падает на землю.

Шеренга смыкается на ходу и продолжает движение.

Елань опускает бинокль и поворачивается к подъехавшему Фурманову:

— Каппелевцы... Офицерский полк!

Фурманов оглянулся:

— А Чапай где?

В красноармейской цепи безостановочно трещат винтовки.

Прямо перед цепью, из-за холмов, сверкая штыками, выходят колонны белых. Они идут плотным, сомкнутым строем. Это мало похоже на атаку... Каппелевцы, как на плацу, не об-

раща внимания на выстрелы, мерно отсчитывают шаг под дробь барабанов...

Рота за ротой появляются они из-за холмов, развертываются. И все тем же «учебным» шагом движутся вперед.

Резко выделяется развернутое знамя.

Перед одной из рот, с сигарой в зубах,— знакомый уже нам поручик.

Красноармеец в цепи невольно сплюнул:

— Красиво идут!

Сосед сочувственно кивнул головой:

— Интеллигенты!

Каппелевцы все ближе и ближе...

Торопливее застучали затворы в красной цепи.

Каппелевцы попрежнему, как на параде, продолжают маршировку. Винтовки попрежнему висят за плечами.

Только пулеметы белых отвечают на огонь красной цепи.

Около пулемета — в стороне от цепи, юясь за разбросанными ящиками, растянулась Анна. За квадратным щитом, скимая щекотку, склонился пулеметчик. Анна держит нагостоне следующую ленту.

Пулеметчик схватил конец, проренул в щель, нажал рукоятку. Ходил сделать повторное движение и вдруг как-то разом осел, выпустил ру-

коятку и стал медленно сползать влезо. Левая рука крепко зажала конец ленты и пулеметчик все еще тянул ее за собой.

Анна кинулась к нему. Он уже хрюпал.

— Держись, Анна... помираю... патроны-то...

Он замолк. Анна взглянула на него еще раз и бросилась к пулемету.

Офицерские колонны совсем близко. Красноармейцы палят безостановочно. И в рядах каппелевцев то тут, то там надают черные фигуры. Но ряды немедленно смыкаются и они идут все тем же учебным шагом. И кажется, что огонь не наносит им ущерба. И кажется, что эти несокрушимые колонны все растут... растут... И вот-вот смоют и захлестнут красную цепь.

Пулемет молчит.

Красноармейцы в цепи потрясают кулаками:

— Стреляй, сволочь!.. Стреляй!

Каппелевцы уже в каких-нибудь 250—300 шагах... Уже слышны слова команды.

И вдруг в цепи чей-то плачущий, надрывный крик:

— Пропали, ребята!.. Каюк нам!

Тогда, не выдержав, часть цепи сорвалась и побежала.

— Наз-а-ад! — надсадно кричит Елань.

Фурманов бросился наперерез бегущим.

— Стой!

Люди остановились. Фурманов подбежал к ним:

— Трусы!.. Товарищей бросили!.. За мной!.. — Он побежал к цепи.— Вперед!

Люди бросились за ним...

И вдруг загремело:

— Ура!

Это капрелевцы, подойдя на двести шагов, перешли в штыковой удар.

И в ту же минуту трель пулемета расколола напряженное затишье. Поражаемые в лоб кинжалным огнем, скашиваемые в упор сплошной стеной пуль, валы черных фигур остановились... Хлынули было вновь... Но, сбиваемые огнем пулемета, вновь задержались... Затоптались на месте... И подались назад...

Красноармейцы забрасывают офицеров гранатами. Стрелки с новой энергией расстреливают бегущих.

Анна судорожно вцепилась в рукоятки «Максима». На лице ее одновременно и отчаяние, и решимость, и... страх — простой, человеческий страх...

Бегут капрелевцы. Красноармейцы поливают бегущих дождем пуль.

Резко щелкнула выбитая лента... Пулемет стал. Анна рванулась к ящику — он пуст.

Неожиданно где-то впереди, из-за холмов, бешеным карьером вылетела казачья лава.

— Казаки! — разнеслось по цепи.

Казаки с диким свистом и гиком несутся прямо на красноармейскую цепь.

Анна, в совершенном отчаянии, выпрямилась во весь рост.

В этот момент откуда-то сбоку загремело «ура».

Наперерез казакам, распластавшись в своем порыве, вылетел наш эскадрон.

Впереди Чапаев.

Анна все еще стоит над пулеметом... Вдруг она как-то сразу сжалась и почти упала на ручки «Максима». Нервы не выдержали...

Бешеным карьером летят навстречу казачьей лаве кавалеристы Чапаева.

Казаки не выдержали и повернули.

Облако пыли скрывает от нас преследующий их по пятам чапаевский эскадрон.

* * *

И на экране возникает надпись:

В ШТАБЕ КАПРЕЛЕВСКОГО ОТРЯДА.

Плакат. На плакате строй «храбрых» капрелевцев и «паническое бегство» красных. Ясно видна бурка улепетывающего Чапаева.

На плакате надпись:

С нами бог! С нами бог!
Красных давим мы, как блох!
А трусливые чапайцы
Удирают все, как зайцы!

Аппарат поворачивает в сторону, и мы видим улыбающееся лицо Чапаева:

— А здорово нарисовали!.. Вот, сукинь дети!.. А?.. Скажи пожалуйста!

Фурманов отрывается на минуту от бумаг, разборкой которых он занят, и поворачивается к Чапаеву:

— Да!.. Только вот — стишкис... не тово!

Но Чапаеву явно понравился белогвардейский плакат:

— Не-е...— Он повысил голос: — Петька! Ты это спрячь. Сохрани!..

Чапаев отходит к столу. Петька осторожно снимает со стены плакат. Пьют чай.

Дверь в комнату тихонько приоткрывается и на пороге появляется Анна.

Она смущенно останавливается, всматриваясь в расположившихся у самовара людей.

— Ты звал, Василь Иванович?

Чапаев повернул голову:

— Звал...

Он поставил на стол блюдечко с чаем и строго посмотрел на Анну:

— Ты что же это... «мадам»?! Стрелять надо, а у тебя пулемет заело?

Анна смущилась еще больше: — Не заело... Но Чапаев грозно нахмурился.

— Как так не заело?.. Чего же не стреляла? Анна старается быть спокойной.

— Ждала!..

Чапаев продолжает допрос:

— Чего ждала?

Анна поясняюще делает жест рукой:

— Когда подойдут поближе!

Чапаев удивленно откидывается от стола:

— Вот ты какая!.. Гляди!..

Он решительно встает из-за стола, подходит вплотную к Анне и вдруг широко улыбается:

— Великолепно стреляешь!.. Молодец!

Чапаев повернул голову:

— Петька!

Петька вытягивается. Чапаев берет у него из рук свернутый в трубочку плакат:

— Дай сюда...

Он развертывает плакат перед собой с толку Анной, делает паузу, как бы проверяя впечатление, и вдруг торжественно говорит:

— На тебе на память! Садись чай пить!

Анна радостно улыбается. Петька подталкизует ее к столу и, схватив с тарелки яйцо, галантно подносит его Анне.

Ч С Т Ъ С Е Д Ь М А Я

Осень.

Отец сыну не поверил,
Что на свете есть любовь.
Веселый разговор...

Чапаев сидит у окна и поет.

Фурманов у стола укладывает в мешок какие-то вещи.

Петьяка сидит в углу и старательно зашивает полуушубок Фурманова. Он поглядывает то на командира, то на комиссара и под нос подпевает Чапаеву:

Взял сын саблю,
Взял он востру
И зарезал сам себя.
Веселый разговор...

Чапаев оборвал песню... Встал.

— Да... Веселый разговор!

Подошел к столу... Взял со стола телеграмму... Долго рассматривает ее. А в телеграмме — знакомые уже ему слова:

«Ввиду чрезвычайных обстоятельств настаиваю немедленном выезде Фурманова тик
Дела сдать Седову тчк Фрунзе тчк»

Чапаев опустил телеграмму.

Фурманов сунул в мешок последнюю вещичку, завязал мешок и взглянул на Чапаева.

— Вот и все... Василий Иванович!

Чапаев упрямко мотнул головой:

— Обидели они меня...

Фурманов укоризненно улыбнулся:

— У них, Чапаев, не одна дивизия... Не один фронт. Значит — так надо!

Чапаев упрямко усмехнулся:

— Кабы не Фрунзе — ни за что бы не...

Он оборвал фразу и прислушался. С улицы доносится шум автомобиля.

Чапаев быстро взглянул на Дмитрия.

Петьяка перекусил нитку, подлетел к Фурманову, накинул на него полуушубок и схватил со скамьи вещевой мешок.

Фурманов пошел к двери. Петьяка пропустил Чапаева и вышел вслед за ним.

На крыльце — Чапаев, Фурманов и Петьяка. К дому подъезжает автомобиль... Из машины вышел Елань. Позади него — плотный, знакомый человек — мы видели его раньше, среди ткачей. Фурманов быстро подошел к нему и дружески подал руку, как старому товарищу. Потом повернулся к Чапаеву и, указав на гостя, сказал:

— Вот тебе, Василь Иванович, новый комиссар — товарищ Седов... Да ты знаешь его!..

Плотный человек, улыбаясь, протянул руку.

Чапаев молча пожал руку. Повернулся к Фурманову...

Дмитрий протянул ему руку...

Возникает мелодия... Она звучит тихо и грустно...

И мы можем в ней узнать любимую песню Чапаева — «Черный ворон».

Чапаев не обратил внимания на протянутую руку, молча обнял Фурманова и крепко пощелкал. Потом, как бы стесняясь своего чувства, хлопнул Дмитрия по плечу и отвернулся.

Дмитрий постоял еще минуту, хотел что-то сказать, но не подобрал нужных слов и решительно пошел к автомобилю.

Чапаев сумрачно смотрит в землю.

Фурманов сел в машину. Елань сел рядом и захлопнул дверцу.

Чапаев подошел ближе. Лицо его очень грустно.

Фурманов ласково смотрит на него.

Шофер тронул машину.

Чапаев дернулся было вперед и остановился.

Машина прибавила ходу... Чапаев неподвижен.

Машина, ускоряя ход, уходила вдаль. И вслед уезжающему комиссару смотрели его друзья.

Чапаев долго стоял, глядя на удаляющуюся точку...

* * *

Рука, держащая карандаш, чертит на карте схему расположения частей. И по мере того,

как карандаш расставляет на карте красные и синие отметки (условно — красное одним обводом, синее — штриховкой), слышен чей-то знакомый уже голос:

— Вот-с... Части красных расположены... Штаб и политотдел — в Лбищенске... Главные силы дивизии у Еланя — в Сахарной... Так. Как видите, штаб оказался изолированным... и проход со стороны Чижинской степи свободен. Понимаете, ваше превосходительство! Это единственный случай покончить с Чапаевым!

Бороздин выразительно постучал карандашом по карте.

Генерал приподнялся от стола:

— Да, это наша последняя ставка... Уничтожить Чапаева и во что бы то ни стало удержать Лбиценск. Иного выхода у нас нет! Позади — Гурьев и... море!

Генерал задумался. Бороздин вежливо выжидает. Генерал как бы про себя говорит:

— Нужен смелый и дальний офицер, чтобы возглавить эту операцию... Кому же вы предлагаете поручить ее, полковник?

Он вопросительно смотрит на Бороздина.

Бороздин подумал минуту и решительно взглянул на генерала:

— Я был бы счастлив, ваше превосходительство, если бы вы доверили мне эту операцию!

Генерал радостно улыбнулся:

— Лучшего я не могу желать! — Он стал торжественным.— Вам, полковник, я вручаю судьбу нашего фронта! — Он протянул Бороздину руку.

Бороздин почтительно, но соблюдая достоинство, склонил голову.

Генерал пошел к выходу. Бороздин выпрямился. На его губах можно уловить едва заметную ироническую улыбку.

У самых дверей генерал вдруг замедлил шаг, нерешительно остановился, потом как-то неловко повернулся к Бороздину:

— Между прочим... Вам, вероятно, известно, что союзное командование... оценило голову Чапаева... в двадцать тысяч...

Бороздин привычным жестом снял пленсне... В его глазах огоньки все той же иронии...

— Союзное командование, ваше превосходительство, могло бы дать и дороже!.. Ведь по-зади — Гурьев... а в Гурьеве — нефть!

* * *

И возникает песня:

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молния блистал...

Петъка поет, закинув голову. Он поет не в

полный голос, но с большим чувством. И искаса посматривает на Анну.

Анна сидит на постели, поджав ноги и облокотясь на стенку.

И беспрерывно гром гремел...

Эти слова поют уже несколько голосов.

В комнате много народа. Все они расположились поуютнее.

Горит лампа... Тепло...

Чапаев задумчиво подхватывает слова:

И в дебрях буря бушевала...

Петъка запевает новый куплет:

Товариши его трудов,
Побед и громкозвучной славы...

Седов тихо говорит, наклоняясь к Чапаеву:

— Василь Иванович!.. Ночь-то темная... Усилить бы караулы!

Чапаев усмехнулся:

— Хе... Казара теперь до самого Гурьева пятки смазала... К моему носу не сунется!

Седов пожал плечами:

— Гляди, Василь Иванович!

Чапаев успокаивающе кивнул головой:

— Ну ладно... ладно... Прикажи выставить добавочные посты.

Седов поднялся.

Чапаев снова прислушивается к песне.

Среди раскинутых шатров
Беспречно спали средь дубравы...

Поют с увлечением, с чувством... Петьяка поет, блаженно заглядывая в глаза Анны. Чапаев медленно поднялся.

В станице — тишина... Отдаленно звучат слова песни. На улицах — ни души.

Петьяка лежит в ногах Анны и поет:

Вы спите, славные герои...

Поют и другие.

Только Чапаев перестал петь... Он сидит около Анны и задумчиво смотрит на нее.

Анна улыбается Петьяке и ласково гладит его по голове.

Чапаев проследил ее взгляд:

— Счастливые вы...

Анна смутилась, хотя и не расслышала... Она нагнулась к Чапаеву:

— Что?

Чапаев повторил:

— Счастливые, говорю, вы с Петьякой!.. Молодые... Вся жизнь впереди!

Анна улыбнулась:

— А ты разве старый, Василь Иваныч?

Чапаев усмехнулся:

— Старый — не старый... А все не то, что твой Петьяка-то!

Анна опустила голову. Петьяка притих. Чапаев ласково смотрит на них:

— Вот поженитесь, работать вместе будеге... Война кончится — великолепная будет жизнь! — Он уверенно поднял голову. — Знаешь, какая жизнь будет?.. — И решительно махнул рукой: — Помирать не надо!

Он замолчал на минуту...

На славу и на смерть зовущий!

Гремят в комнате слова песни.

Чапаев задумчиво смотрит прямо перед собой:

— Помирать-то кому же охота?.. Да, борьба-то у нас... такая!.. — Он сдвинул брови. — Либо они — нас... ...Либо мы — их!

Хор оборвался. Пауза.

Петьяка решительно покачал головой:

— Не!.. Мы — их!

Чапаев улыбнулся, потом, заметив тишину, приподнялся:

— Ну, чего замолчали?.. Петя!.. А ну!

Петьяка встрепенулся, набрал воздуху и заливишко начал:

Кучум презренный царь Сибири,
Пробрался тайною вершиной...

Гремит хор... Мощные басы соперничают с тенорами.

И пала грозная в боях,
Не обнажив мечей, дружина...

Только Анна да пожилой ткач все еще задумчиво-неподвижно смотрят куда-то перед собой.

Петька высоко взял последнюю ноту и повернулся к Анне:

— Ну?.. Гожусь я в артисты?

Часть восьмая

Ночь над станицей. Тишина. Спят бойцы. Спит Петька. Спит Чапаев... Рядом на стуле — несложный костюм его и наган сверху.

Спит Анна и во сне что-то бормочет...

Не спят только два красноармейца в карауле, хотя и их одолевает дремота.

Тихо в станице.

В лесу темно. Цокают копытами кони... Конники едут молча. Как во сне, проплывают бородатые лица матерых казаков.

Шестерка сытых коней тянет орудие. И, как бы замыкая процессию, тяжело ползет броневик.

И снова тихо.

Двигается в темноте белая колонна.

Спят бойцы. Спит Анна, доверчиво положив голову на плечо Петьки.

У окопицы в темноте промелькнули согнутые фигуры. Они бесшумно, почти распластавшись

на земле, двигаются к станице. Вот впереди — силуэты часовых.

Тени замерли на минуту... Метнулись вперед...

Короткий стон. И два трупа отброшены в сторону.

Огромный казак, нелепо вытянувшись, посмотрел на своего офицера. Офицер вложил пальцы в рот и свистнул. Свист разнесся и замер.

Тени неподвижны... Тишина... Затем цокот копыт... Из темноты появилось несколько всадников.

От теней поднялась одна.

— Все спокойно, господин полковник!

Полковник чиркнул спичкой... Спичка осветила часы — 5.

Бороздин взмахнул рукой. С резким свистом взвилась сигнальная ракета.

С гиканьем и свистом рванулись вперед всадники. Сверкая обнаженными шашками, ринулись в улицы станицы.

Хлопнул выстрел. Второй... Третий...

* * *

В одном белье, с винтовками в руках выбегали из домов красноармейцы. Метались... Падали под ударами шашек... Бежали...

Чапаев вскочил с кровати... Где-то затрещал пулемет. Чапаев схватил револьвер и бро-

сился к дверям. Вскочил заспанный Петька. Чапаев распахнул дверь... Крики, стоны, стрельба наполнили тишину.

Бегут в панике красноармейцы.

Петька выскакивает из двери вслед за Чапаевым.

Чапаев пытается остановить бегущих:

— Стой!.. Куда?.. Ложись!

Люди останавливаются... Пытаются стрелять... Но новые партии бегущих сбивают их, мешают стрельбе и снова вносят панику...

Все же вокруг Чапаева — группа бойцов. Задыхаясь, подбегают несколько командиров, Седов, начштаба, группа коммунистов. Они пробуют организовать сопротивление.

Казаки окружают их кольцом. Седов падает, подбитый пулей. Зашатался и упал начштаба. Еще несколько бойцов расплатались на земле... На ногах еще только два-три человека.

К Чапаеву сзади подбегает Анна. Она хватает его за руку и, показывая вдоль улицы, кричит:

— К пулеметам... Бежим к пулеметам!

Чапаев понимает. Перепрыгивая через трупы, они несутся вдоль улицы. Петька бросается за ними.

Белые с радостным ревом бросаются к штабному крыльцу.

* * *

В пустую комнату, на полу которой стоят несколько пулеметов, лежат ящики с патронами и пулеметными лентами, вбегают Чапаев, Анна и Петька. Чапаев и Петька втаскивают пулемет к окну. Анна тащит набитую ленту. Чапаев прильнул к пулемету.

Перед домом — площадь. Бегут красноармейцы. Следом за ними, преследуя их по пятам, появились белые.

Резкая трель пулемета.

Белые в замешательстве остановились и побежали...

Знакомый нам мужик с бородой веником торопливо зарывается в воз с сеном.

Петька, надрываясь, кричит в полевой телефон. Ответа нет...

— Перерезали!.. Сволочи!.. — Петька в отчаянии выругался.

— Петька!.. Скачи с Анной в Сахарную... к Еланю!..

Петька и Анна пробуют что-то возразить... Чапаев энергично повернулся:

— Скачите, говорю!

Анна и Петька выбегают в дверь.

Чапаев схватился за рукоятку «Максима».

На площади — белые залегли цепью... Пулемет Чапаева не дает им подняться. Белые отве-

чают сотнями выстрелов. Чапаев уверенно работает пулеметом. На дворе Петька и Анна ожесточенно убеждают в чем-то друг друга. Петька волнуется:

— Не могу я его оставить... Не могу!.. А ты скажи!

Анна молчит. Петька почти силой подталкивает ее к лошади. Анна подчиняется и вскакивает на седло. Петька машет ей рукой:

— Прощай!

Анна скрывается за воротами... Петька бежит к дому.

Чапаев, пригнувшись за щит, работает «Максимом». И вдруг — обрыв... Сухой щелк. Кончились лента. Чапаев выругался... Хотел обернуться... Но Петька уже протягивает новую ленту.

Чапаев изумленно смотрит на него:

— Ты?

Петька смущенно поворачивается:

— Ну, я!

Несколько пуль со свистом проносится над их головами...

Чапаев схватил ленту.

Белая цепь поднялась было и с радостным воем кинулась к дому. Из окна — резкая трель пулемета. Несколько фигур рухнуло на землю. Цепь легла.

Неожиданно с улицы послышалось странное тарахтение. Петька осторожно выглянул в окно. К самому дому подполз, тромыхая, броневик. Два пулемета повернулись к окну... И разом обдали окно спнопом пуль.

Чапаев схватился за руку.

— О, чорт!

Петька подскочил к нему. На белой рубашке Чапаева расползается черное пятно. Петька с силой отрывает рукав своей рубахи и перекручивает руку Чапаева.

Пулеметы броневика дробят штукатурку.

Петька взглянул в окно и с проклятьем выскочил из комнаты.

Чапаев, пригнувшись, работает пулеметом.

У самого забора стоит броневик. Оба его пулемета бешено работают. Над забором высывается взлохмаченная голова Петьки. Он взмахивает гранатой и, вытаращив глаза, с проклятием швыряет ее в узкую щель броневой башни. Грохнул взрыв. Из отверстия броневика показался белый дымок... Броневик смолк.

Чапаев удивленно выглянул в окно. Броневик слегка дымится и молчит.

Но прямо перед домом из-за ограды белые выкатили трехдюймовку.

Тяжело дыша, Петька побегает к окну... Осторожно выглядывает.

И разводит руками:

— Амба, Василь Иванович... Отступать надо!

Чапаев покачнулся... Бытия руками с виска кровь и пот, упрямо мотнул головой и прорвичал сквозь зубы:

— Чапай... никогда не отступал!

Но его прервал грохот орудийного выстрела. И почти тотчас же с шумом рухнул угол комнаты. Чапаев упал. В облаках дыма и пламени Петька схватил Чапаева в охапку и поволок к выходу...

* * *

— Чапай погибает!.. Белые в Лбищенске!..

Это кричит Анна. Вокруг нее группа командиров. Один из них держит за повод взмыленного коня Анны. Анна, шатаясь от усталости, опускается на заваленку. Елань заботливо подает ей котелок. Анна жадно пьет, заливая лицо и шею водой.

Разнесся тревожный призыв трубы.

Бегут вооруженные красноармейцы. Выводят лошадей. Взваливают на телеги пулеметы.

Вся улица уже кишит людьми... Из станицы один за другим рысью выходят конные эскадроны Красной армии. Вскочь несутся телеги с красноармейцами.

* * *

На берегу Урала мечутся люди.

В волнах реки виднеются фигуры плывущих на тот берег.

Петька, поддерживая раненого Чапаева, осторожно сводит его с обрыва.

Земля осыпается под ногами...

Петька напрягает все силы и кричит:

— Чапай ранен!..

Красноармейцы бросаются на помощь.

Окружают Чапаева. Осторожно спускают его к реке.

Петька, пятясь, спиной прикрывает товарищ...

У самой воды Чапаев, собрав последние силы, оттолкнул бойцов:

— Плыите!.. Я — сам!

И бросился в воду.

Несколько человек бросились за ним.

Петька повернулся.

Белые появились над обрывом.

Петька схватил винтовку и бросился к куче камней.

Рядом с ним — еще несколько бойцов.

Они посыпают пулю за пулей.

Стреляет Петька.

Белые залегли.

Пули цокают по воде вокруг Чапаева.

Он устал.

Красноармеец, плывущий рядом, пытается помочь ему.

Чапаев плывет, широко взмахивая одной рукой.

Стреляет Петька.

Его соседи уже перестали стрелять...

Часть убита...

Другие бросились к Уралу.

Белые с обрыва расстреливают плывущих.

Петька оглядывается...

Плывет Чапаев... Уже близко берег...

Петька радостно улыбается и с удвоенной энергией поворачивается к казакам.

Белые обстреливают Чапаева.

Красноармеец, плывущий рядом, вскрикнул...
погрузился в воду...

Чапаев с напряжением работает рукой.

Петька выпускает последнюю пулю...

Чапаев напрягает последние силы:

— Врешь!.. Не возьмешь!..

Петька щелкает затвором, вскакивает и бросается к Уралу.

В ту же минуту несколько пуль пробивают его спину.

Он делает еще шаг и падает у самой воды.

Плывет Чапаев.

Пулемет белых поливает воду пулями.

Петька делает отчаянное усилие — приподнимается на локтях и снова падает.

Чапаев уже ослабел... Уже близко берег...

Пули ложатся вокруг Чапаева.

Белый пулеметчик сужает круг...

Поднялось над водой лицо Чапаева. Вздернулась голова... И скрылась в волнах Урала.

Шлепнулись в воду последние пули.

И разом успокоилась водная гладь.

* * *

Елань взмахивает шашкой:

— Вперед!

Эскадроны рванулись вперед, развертываясь на ходу. Ринулись с места пулеметные тачанки... Отряд атаковал Лбищенск.

В панике бегут белогвардейцы...

Из сена на возу приподнимается голова крестьянина-бородача... Он осторожно всматривается...

Бороздин отвязывает лошадь от колеса. Он поворачивается на широк. Прямо перед ним с обнаженной шашкой в руке бородач. Бороздин выхватывает револьвер.

Но бородач высоко взмахивает сверкающей шашкой. И со страшной силой наносит удар. Полковник рухнул лицом в землю.

Елань снова взмахивает шашкой:

— Огонь!

Тишина взорвалась грохотом орудийного залпа.

Через минуту где-то вдалеке ухнули взрывы.

Водяным смерчом взлетела на воздух гладь Урала.

В паническом ужасе прижались к краю обрыва остатки белогвардейского отряда.

Гигантский взрыв сметает с лица земли прижатых к обрыву врагов.

Взрыв сотрясает воздух и белым дымом застилает экран.

О. Б е с к и н

Живой Чапаев

Игра в Чапаева много лет являлась одной из самых распространенных детских игр. Романтически увлекательный образ крепко пленил воображение советских мальчуганов. Детское — непосредственное и цельное восприятие сумело инстинктивно оценить жизненность, правдивость этого обаятельного революционного образа. Чапаев стал другом наших мальчиков, стал высоким образцом их юных мечтаний, стал воспитателем их доблести, аккумулятором буйной молодой энергии. Это пришло от кино, пришло от фильма и отражало в очищенном детской непосредственностью виде то, что испытывал взрослый зритель, когда смотрел этот фильм. Любовь к прекрасному, смелому, чистому человеку и гордость тем, что он является порождением русского национального духа, закаленного в горниле Великой Октябрьской революции, — вот что волновало и волнует сердца и мысли всех советских людей, смотрящих «Чапаева».

В наши дни, в эпоху Великой отечественной войны, фильм этот приобретает новое звучание. Сыны его героических персонажей — чапаевцев,

в борьбе с коричневой фашистской нечистью хранят заветы своих отцов. Петька-пулеметчик, который в заключительном эпизоде «Чапаева» мечет гранату в щель броневика, возрожден сейчас на полях неслыханных в истории человечества битв в тысячах, десятках тысяч Петек, бесстрашно взрывающих и жгущих немецкие танки. В наших генералах, в неукротимом Доваторе, в Панфилове и других, воплотился дух бесстрашного начдива. Боевой принцип народного полководца — «Чапаев никогда не сдается!» миражится в подвигах наших славных гвардейцев.

Можно со всей определенностью сказать, что образ, рожденный в кино, оплодотворил все другие искусства — театр, живопись, скульптуру, графику. Пусть меняются композиция, детали (только лишь детали) психологической трактовки, но образ, созданный в кино, для всех этих искусств является первоосновой. От него нельзя уйти, ибо он настолько глубок и правдив, что живет с нами бытово, как будто в жизни мы его встречали; он с нами, как «живой с жизнью говорит». Стоит подумать о Чапаеве, как перед нами возникает он на пулеметной тачанке в бурке, с противной, устремленной к сражению рукой, с чуть выдающимися на тонком воевавшем лице скулами, а рядом — верный юный друг его — кудрявый Петька.

Конечно, исполнение Бабочкиным роли Чапаева исключительно по своей образной силе, но причина успеха фильма была уже заложена в сценарии. Сценаристы братья Г. и С. Васильевы, явившиеся и режиссерами фильма, сумели прекрасный литературный материал Д. Фурманова превратить в имеющее самостоятельную ценность

литературное произведение — киносценарий, в котором, с нашей точки зрения, удивительно талантливо учтены и использованы все специфические жанровые особенности и возможности этого вида литературы.

Авторам сценария удалось органически воплотить идеиную значительность темы через образы, насыщенные эмоционально, лирически, через образы полноценно жизненные. Тенденция, идея сценария вытекает из жизненно правдивого поведения персонажей и нигде не выpires самостоительно, публицистически. Это касается и сюжетной ситуации и диалога. К этому сценарию в значительной мере применимы слова тов. Жданова, которыми он на Первом Всесоюзном съезде советских писателей в 1934 году характеризовал метод социалистического реализма. Расшифровывая обязанности писателя, как «инженера человеческих душ» (И. В. Сталин), т. Жданов говорил, что быть им — «это значит, во-первых, знать жизнь, чтобы уметь ее правдиво изобразить в художественных произведениях, изобразить не сколастически, не мертвко, не просто как «объективную реальность», а изобразить действительность в ее революционном развитии. При этом правдивость и историческая конкретность художественного изображения должны сочетаться с задачей идеиной переделки и воспитания трудящихся людей в духе социализма»¹.

В сценарии «Чапаев» правдивость и историческая конкретность соблюдены в полной мере, факты убедительно отобраны и хо-

¹ Стенографический отчет Первого Всесоюзного съезда советских писателей. Гослитиздат, 1934, стр. 4.

рошо мотивированы, но авторы не становятся рабами фактов, прекрасно отдавая себе отчет в том, что изображение факта только лишь как такого не есть еще раскрытие истины. Важно извлечь из фактов их смысл. Авторы сумели это сделать, и потому у них получилась не инсценированная хроника (линия наименьшего сопротивления многих историко-революционных фильмов последних лет), а образное историческое сюжетное произведение. Эпизоды истории предстают в фильме не в простой хронологической последовательности, а в революционном развитии их внутреннего существа. История ощущается и признается нами через динамику становления людей своего времени. Формирование и закалка их характеров, раскрытыe в художественном образе, мотивируют идеи и требования того времени. Это дает возможность сценаристам не только рассказать конкретные события, но психологически обобщить тему «Чапаев» в тему гражданской войны.

Одним из решающих элементов, помогающих авторам сценария показать действительность в ее революционном развитии, является романтическая трактовка главных действующих лиц, сопряженная вместе с тем с подлинно реалистическим воплощением характеров и всего действия фильма. Не кроется ли в таком утверждении противоречие? Конечно, нет. Нам стоит вспомнить неоднократные высказывания в этом плане А. М. Горького, из которых сошлись хотя бы на следующем: «Основными «течениями» или направлениями в литературе считаются два: романтизм и реализм. Реализмом именуется правдивое, неприкрашенное изображение людей и условий их жизни.

Формул романтизма дано несколько, но точной, совершенно исчерпывающей формулы, с которой согласились бы все историки литературы, пока еще нет, она не выработана. В романтизме необходимо различать тоже два, резко различных направления: пассивный романтизм — он пытается или примирить человека с действительностью, прикрашивая ее, или же отвлечь от действительности к бесплодному углублению в свой внутренний мир, к мыслям о «роковых загадках жизни», о любви, о смерти, — к загадкам, которые не разрешимы путем «умозрения», созерцания а могут быть разрешены только наукой. Активный романтизм стремится усилить волю человека к жизни, возбудить в нем мятеж против действительности, против всякого гнета ее.

Но по отношению к таким писателям-классикам, каковы Бальзак, Тургенев, Толстой, Гоголь, Лесков, Чехов, трудно сказать с достаточной точностью — кто они, романтики или реалисты? В крупных художниках реализм и романтизм всегда как будто соединены»¹.

Романтизм социалистический, являющийся одним из слагаемых социалистического реализма, устремлениями своими не отрывается от общества, от действительности, не строит воздушных замков, не уходит в область причудливых арабесков и фантасмагорий, не пускает радужных мыльных пузырей, т. е. не осуществляет всего того, что было свойственно в прошлом буржуазному романтизму в его классическом виде.

Наш романтизм иной. Он рвется в будущее, рвется, сознавая, что сегодняшний день со всеми

¹ М. Горький. О литературе, стр. 203.

его трудами, достижениями, лишениями — преддверье этого будущего. Он мечтает, но мечтает реально, активно осуществляя мечту. Он рвется к тому, что может быть осуществлено завтра, через год, через много лет. Мечта, одухотворяющая сегодняшние поступки, — вот основа нашего романтизма. Он связан с целью борьбы во всей ее осуществимой — обязательно осуществимой — реальности. Активное участие в осуществлении — вот что отмечает советского романтика. Мир познается лишь в социальной практике. В социальной же практике зарождается, крепнет и претворяется мечта. Наши мечтатели, наши романтики — агрономы-сказочники, заставляющие виноградную лозу плодоносить на Крайнем Севере; стахановцы, одухотворяющие труд интеллигентом и ломающие все и всяческие нормы; полководцы-герои, наследники былинных бэгатьев, творящие ратные чудеса.

В одном из кадров сценария «Чапаев» коротко и убедительно-просто, по-народному, раскрыта романтика наших войн как гуманистическая мечта о счастье всего трудящегося человечества.

Во время жаркого боя, под грозное уханье артиллерийской канонады, около старого бородатого казака Потапова, перешедшего к красным и состоящего кашеваром, круится мальчишка. Он допытывается у казака:

«— Дяденька.. а дяденька! За что люди на смерть идут?

Казак не ожидал такого вопроса:

— За что?.. Ясно за что — за жизнь.. Каждому хорошей жизни хочется...»

Чапаев-боец. Чапаев герой по справедливости становится легендарной личностью, ибо все в

нем — когда сознательно, когда инстинктивно — отдано мечте о счастливой жизни народа.

Какого подлинно лирического романтизма полна ночная сцена в казарме-бараке в Лбищенске перед налетом белых! Она идет все время на музыкальном фоне, полном одновременно и необыкновенной, бурной, фантастической страсти, и тихого раздумья, и эпичности:

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молния блистала..

Но вот Чапаев перестал петь.. Он задумчиво смотрит на пулеметчицу Анну, ласково глядящую по голове самозабвенно поющего Петью, и с уст его срываются слова: «Счастливые вы...»

«— Вот поженитесь, работать вместе будете.. Война кончится — великолепная будет жизнь! — Он уверенно поднял голову.— Знаешь, какая жизнь будет?.. И решительно махнул рукой: — Помирать не надо!»

И опять в комнате звучит песня.

«Чапаев задумчиво смотрит прямо перед собой:

— Помирать-то кому же охота?.. Да борьба-то у нас.. такая!.. — Он сдвинул брови. — Либо они — нас.. Либо мы — их!»

И как утверждение чапаевской мечты звучит задорная, молодая реплика Петки:

«Hel.. Мы — их!»

Нутром своим, нутром простого плотника (каким он был до первой мировой войны), сознанием умного человека из народа Чапаев устремляется к счастливой жизни, воплощенной для него в одном слове, в одном понятии, в одном человеке — в Ленине. Ленин для Чапаева, как и для всего трудящегося народа, — это осуществление заветных чаяний, это правда, побе-

ждающая кривду, совесть мира. Это он превращает романтику мечты в реально ощущимую, вольную, счастливую жизнь.

Конкретных политических знаний у Чапаева мало, очень мало, но социальный инстинкт борца за народное дело подсказывает ему, с кем быть, за что бороться. И когда спокойный, тактичный Фурманов, желая подтолкнуть Чапаева к расширению круга его политических знаний, действует на его огромное самолюбие и на митинге требует у него (сбившегося и даже вспотевшего от неизычного напряжения) уточнения, за какой «Интернационал» он борется — за второй или третий, Чапаев, наконец, находит спасательный для себя выход.

«— А Ленин — в каком?

— В третьем, — ответил Фурманов. — Он его и создал — третий, большевистский.

— Ну, и я за третий! — решительно перебил его Чапаев.

Внешний облик, психологическая трактовка Чапаева в сценарии удачно сочетает реалистические, чисто бытовые черты его характера (на которых я подробно остановлюсь ниже) с высоким строем романтического взлета, постоянной страстной напряженностью.

Я не задаюсь целью перечислить все черты, которые создают для Чапаева некий романтически-легендарный строй, возвышают его над бытом. Важно, повторяю, подчеркнуть, что сценаристы очень умело сочетают такое построение сстрой характеристикой уже чисто бытовых черт характера: смекалки, природного юмора, даже некоторой хитринки и вместе с тем почти детской непосредственности, наивного тщеславия и т. п.

В этой нерасторжимой органической связи жизненно правдивого бытового плана и приподнятого романтического — секрет активности и неувядаемости образа народного полководца, как бы вновь оживавшего ныне в великое время решительной — не на жизнь, а на смерть — борьбы с фашистскими варварами в эпоху Великой отечественной войны.

Одной из отличительных особенностей киносценария как литературного жанра является динамичность, действенность развития сюжета. Всякое повествовательное начало, в самодовлеющем своем виде не воплощающееся в пластический зрительный образ, помогающий развитию сюжета, является для сценария балластом, обременяющим единство действия, нарушающим его собранность, концентрированность. Сценарист должен каждый образ своего произведения ощущать весомо и зримо, во плоти, чувственно. Умозрительные заключения или объяснения, гриемлемые в какой-то ограниченной степени для иного жанра литературных произведений (роман, повесть, рассказ), являются бесспорным минусом для сценария. Это, в основном, те же требования, которые предъявляются и к театральному, драматическому произведению, к пьесе. Но одним из существенных отличий принципа построения сценического произведения и киносценария является то, что образы людей в пьесе развиваются среди неподвижного и мало разнообразного внешнего окружения, в то время как персонажи киносценария действуют во всем многообразии жизненной обстановки. И вот эту-то обстановку (пейзаж, интерьер и т. п.) необходимо опять-таки описать в сценарии так, чтобы в своем воплоще-

ии на экране она была бы не только сюжетически неотделима от развития действия, от образа центральных персонажей, но подчеркивала бы основной момент их психологии в данных кадрах, давала бы, если можно так выразиться, вторичный образ.

Естественно, что это требует тщательной отборности конкретных моментов, характеризующих обстановку. Ничего лишнего, не работающего в плане развития сюжета и характеров.

Сценаристы «Чапаева» превосходно учили все особенности сценария как очень специфического литературного жанра. Их сценарий, на котором плодотворно оказались первые результаты борьбы лучших сил нашего искусства за стиль социалистического реализма, до сих пор сохраняет свое значение образцового произведения.

Авторы умело экспозирируют своих героев,— так сказать, сразу знакомят с ними, представляют нам их в собранном, синтетическом образе, в котором пластически обобщены их основные качества. Более подробное аналитическое раскрытие характеров, психологии происходит по мере развития действия фильма.

Вот начало сценария, первая его строка — знакомство с Чапаевым. «Из-за бугра, прямо на аппарат, вылетает тройка...» Это знаменитая чапаевская пулеметная тачанка, а в ней — он, в развеивающейся бурке, в страстном порыве устремленный вперед. И сразу встает перед нами образ боевого орла. «Стой!.. Куда?» Он властно преображает панику, возникшую среди партизан, которых чехословаки выбили из хутора. Тройка, как магнит, притягивает к себе партизан. И действие стремительно развивается, характеризуя

силу злой чапаевской воли. «Тройка, на ходу обрастая бегущими людьми, как снежный ком, захлестнула чешский пикет и ворвалась в хутор. Кучер осадил тройку, и верный ординарец Чапаева — Петька застрочил из пулемета».

Столь же удачно по лаконической характеристике своей построена и экспозиция встречи Чапаева с Фурмановым, прибывшим вместе с отрядом иваново-вознесенских ткачей. В кратком диалоге мы сразу ощущаем предвестия будущих конфликтов. Нет ни лишних слов, ни лишних описаний:

«Из лесу выходит в строю какой-то отряд... На некоторых — краснозвездные шлемы.

Чапаев, наблюдая с мостика, оглянулся. К нему подошел незнакомый человек.

— Здравствуйте, я Фурманов. Назначен к вам в дивизию комиссаром...

Чапаев критически оглядел незнакомца и уронил:

— Знаю!

И столь же сразу, используя в качестве приема момент бытовой неожиданности, сценаристы намечают в первом же показе Анны и Петьки установку для будущих отношений:

«Ординарец Петька подошел к одному из прибывших ткачей и хлопнул его по плечу:

— Ну... Прибыли?

Ткач обернулся... И даже видавший виды Петька раскрыл рот от удивления — это была женщина. Заметив смущение Петьки, Анна улыбнулась.

— Прибыли... А вы не пулеметчик?

Несмотря на краткость, экономность средств выражения — вернее, благодаря им — все экспо-

зиции персонажей удивительно выразительны и образны.

Столь же экономными средствами дана идеяная характеристика белых. В фильме нет, к счастью, ни традиционных кутежей, ни цыган, ни дешевого гротеска. Главный персонаж — полковник Бороздин — характеризован даже относительно мягкими чертами. Он кровно связан с белым движением, но он хорошо отдает себе отчет в низости его моральной основы. Это умный и культурный враг.

При помощи этого персонажа, опираясь на некоторую органически свойственную Бороздину ироничность, сценаристы в одном лишь кратком диалоге вскрывают империалистическую, торгашескую сущность белого стана.

Бороздин на приеме у генерала. Он сообщает генералу о необходимости удара на Лбищенск. Бороздин просит ему лично поручить эту операцию. Генерал с удовлетворением и радостью соглашается.

После пышной, торжественной «патриотической» фразы — «Вам, полковник, я вручаю судьбу нашего фронта» — генерал идет к выходу, сопровождаемый чуть заметной улыбкой Бороздина.

«У самых дверей генерал вдруг замедлил шаг, нерешительно остановился, потом как-то неловко повернулся к Бороздину:

— Между прочим... Вам, вероятно, известно, что союзное командование... оценило голову Чапаева... в двадцать тысяч...

Бороздин привычным жестом снял пейсли.. В его глазах — огоньки все той же иронии...

— Союзное командование, ваше превосходи-

тельство, могло бы дать и дороже!.. Ведь позади Гурьев.. А в Гурьеве нефть!

Повторяю, что достоинство общего стиля сценария заключается в том, что лаконичность средств выражения не только не мешает, но способствует углубленной разработке образов в плане психологическом.

Уже приведенные выше отрывки из сценария говорят об этом. Но момент этот настолько важный, что я считаю необходимым несколько развить и мотивировать достоинства психологической разработки сюжета.

И в ней проявляется та концентрированность, сжатость и простота манеры, стиля сценария, при помощи которых психологические черты персонажей, ничего не теряя в своей индивидуальной, особенной, жизненной выразительности, выступают вместе с тем синтетически, типово, социально.

Яркий социальный характер приобретает психологическая разработка сцен, в которых участвует белый полковник Бороздин и его ординарец — старый казак Потапов. Таких сцен в «Чапаеве» три; все они происходят в штабном вагоне.

В первой сценаристы положительно двумя-тремя штрихами рисуют облик полковника Бороздина как представителя умных слоев белогвардейщины, хорошо отдающих себе отчет в силе ненависти, которая живет в народе и только ищет удобного случая, чтобы проявиться в конкретных поступках, в актах мести. По существу своему он чисколько не лучше остальных своих соратников, но умнее, внешне культурнее и расчетливее. В обстановке бурлящей классовой борьбы он считает нужным по-барски подарить

окружающему его народу (представленному через Потапова) видимость человечности, «демократической» простоты. Это расчет, точный, циничный расчет барина-либерала, живущего в грозное время.

На недоумевший вопрос фатоватого поручика-капеллена по поводу излишней патриархальности отношений Бороздина с денщиком-ординарием он отвечает:

«...Наоборот!.. Они вполне современны... Времена меняются... Меняется и тактика отношений... И жаль, что вы этого не понимаете, поручик... — Насмешливо посмотрев на собеседника, он добавил: — ...Но, идя в атаку, вы оглядываетесь назад, чтобы вам не пустили пулю в спину! Поручик пожал плечами.

— Мы все должны оглядываться...

Полковник уверенно взглянул на офицера.

— А вот я не оглядываюсь... Петрович у меня с четырнадцатого года... Прошел со мной по всем фронтам!

Зритель уже в этой короткой сцене получает ключ к пониманию этого «благородного» белогвардейца. Сделано это по стилю своему — тонко, мягко, без нажимов. И так же, как в этой сцене, и дальше психология Бороздина будет раскрываться не на противопоставлении якобы положительным чертам отрицательных, а на социальном раскрытии, вернее, саморазоблачении формально «хороших» качеств, как отрицательных.

Каким издевательством звучит сцена замены Бороздиным резолюции о расстреле брата Потапова — резолюцией о порке! Потапов сопровождает свою просьбу взглядом «верного цепного

пса», он тревожно следит за «бегающим по бумаге пером», он «явно заглядывал через плечо полковника, против всех правил воинского устава, — может быть — в первый раз за всю свою долгую верную службу...» Очень остро построены кадры движения двух рук: руки Бороздина, на минуту задумчиво повысившиеся в воздухе и потом потянувшись к чернильнице, — руки вершителя судеб «малых сих», и другой руки, — в солдатской шинели, открывающей крышку чернильницы, взявшую ручку и неловко обмакнувшую ее в чернила. И вот на месте перечеркнутой резолюции о расстреле возникает лишь слово «подвергнуть»... — начало резолюции об унизительной экзекуции, о порке, которую бедный Потапов принимает для брата Саньки как величайшую милость. Бороздиным как будто осуществлен гуманный акт, но по сути дела ой, конечно, не изменил себе: Санька, пытавшийся перебежать к красным, будет уничтожен, будет запорот насмерть.

Так от сцены к сцене углубляется трактовка психологии двух социально антагонизирующих персонажей. Третья сцена отмечена особым сценарным мастерством. Она вся построена только на пластически воспринимаемых контрастах движений, звуков. В нее вкраплено всего лишь четыре слова. Но обстановка, музыка, эти движения и звуки вырастают в символ той дворянской культуры, той барской поэтичности, которые взращены на почве, обильно удобренной смертями миллионов замученных, забитых санек, нечеловеческими страданиями потаповых. За конкретными образами этих насыщению психологических кадров встает перед зрителем весь строй царской России.

«Блеск полированного дерева.

По слабо освещенным клавишам рояля бегают чьи-то уверенные руки... Полутьма... Полковник Бороздин играет без нот, на память... И в воздухе плывет торжественная, спокойная мелодия бетховенской «Лунной сонаты».

Высоко «культурный» полковник Бороздин упивается звуками одного из самых проникновенных, поэтических, глубоко человеческих произведений музыкального искусства. О, он тонко разбирается в выразительном легато рокочущих триолей сонаты. Он в музыкальном трансе, глубоко переживает. Он получил эту возможность тонких переживаний, украв, отняв у обездоленных потаповых право на проявление каких бы то ни было человеческих чувств. Так, именно так воспринимается в этой сцене сущность потаповского поведения, трактованного в неожиданном, остром ракурсе, в доведенном почти до кошмарной фантастичности образе человеческого отчаяния:

«...в этих звуках, по вагону медленно двигается Потапов, делая какие-то странные танцующие движения...

Приглядевшись, мы замечаем, что он ногой натирает тряпкой линолеум.

Потапов работает с привычной ловкостью... Но вот его лицо уже совсем близко, и мы замечаем, что это ловкость автомата. Сознание его выключено почти полностью. С полузакрытыми глазами, он движется неслышно, как скончавшаяся...

Но вот он остановился и впался взглядом в затылок своему барину. Зритель хорошо чувствует, почему он не может оторвать взгляда от этого гладко выбритого, как бы полированного

затылка: это череп «культурного» виновника смерти его брата.

Что-то должно произойти. И действительно — резкий звук прорезает торжественное течение сонаты — это щетка выпала из рук Потапова. Бороздин, продолжая играть, лишь на секунду повернулся голову.

И вот опять «...так же плотно, в величавом спокойствии льется торжественная мелодия. И вдруг на эту ясную, почти прозрачную, нежную ткань мелодии нелепо «накладывается» откуда-то из-за кадра хриплый, корявый человеческий голос.

— Помер... брат-то... Санька... помер!

И глухое рыданье мужчины».

«Не оборачиваясь к Потапову, Бороздин резким движением опустил крышку рояля... Она захлопнулась с глухим стуком, как крышка гроба».

Одно из центральных мест сценария, которое в экранном его воплощении зритель смотрит с совершенно исключительным напряжением, что называется, с замиранием духа — это «психическая атака» каппелевцев. Офицерские колонны белых, в сомкнутом строю плотной лавой движутся (именно движутся, а не идут!) на окопы чапаевцев. «Каппелевцы, как на плацу, не обращая внимания на выстрелы, мерно отсчитывают шаг под дробь барабанов...» Потери как бы исключаются, ликвидируются, ибо немедленно, где нужно, смыкаются шеренги. «И кажется, что эти несокрушимые колонны все растут... растут... И вот-вот смоют и захлестнут красную цепь». Их с огромной выдержкой подпустят совсем

близко и расстреляют в упор. Но пока... как жутко воспринимается молчание пулемета!

Кадры этой атаки обогащены замечательными психологическими деталями — немногочисленными, но удивительно характерными и яркими. Детали эти, вкраpledые сценаристами со свойственным им чувством меры, тонко-иронически разоблачают рафинированную пьяную истериичность психической атаки, театральную подоплеку этой смелости каппелевцев, которой суждено разбиться об органичную, нутряную, спокойную народную силу чапаевцев.

Потапов сообщает Чапаеву о готовящейся психической атаке. Чапаев задумывается, прикидывает, соображает, перебрасывается репликами с Фурмановым. Он внимательно рассматривает карту, чтобы предугадать тактику контрааступления белых. Фурманов выходит со братом коммунистов. Несколько секунд глубокой задумчивости Чапаева. Но вот он подымает голову, и с уст его срывается одна лишь фраза, в которой звучит не только беззаветная любость, лихое молодечество, но даже и некоторый профессиональный интерес к этой неведомой форме атаки, интерес уверенного в своих силах народного полководца.

«— Психическая... Ну, хрен с ней! Давай психическую! — И он снова наклонился к карте».

Так разряжается атмосфера готовящейся «тайной» атаки, так снижается, разбивается о здоровый народный смысл надуманность ее устрашающей формы.

И, как бы перекликаясь с этой предваряющей атаку репликой Чапаева, — в действие самой атаки введен один лишь разговор красноармейцев в

цепи. Но как психологически ярко работают эти два-три слова, каким лукавым народным юмором наполнены они, как социально точно оценивают иронически эту барскую затею и вместе с тем сколь, опять-таки, по-солдатски профессионально отдают они должное, если можно так выразиться, «культуре формы» каппелевского строя.

«Красноармеец в цепи невольно сплюнул:

— Красиво идут!

Сосед сочувственно кивнул головой:

— Интеллигенты!»

Глубоко раскрыта в сценарии психология чапаевского ординарца Петьки, молодого друга полководца, его неразлучного спутника. Петька — искренний и правдивый образ. Он предстает перед нами в сложном сочетании черт храброго, смекающего, уже накопившего опыт бойца и вместе с тем еще совсем ребячливого паренька, чистого душой, с светлым, ясным взглядом. Он делает свое правое бойцовское дело, каждой порой своего существа питая боевой и человеческий опыт Чапаева, на которого он всегда смотрит с юношеской непосредственностью и во-сторженностью, как на нечто изумительное, как на идеал.

Петька храбро бьется за народное дело и вместе с тем он еще, как мальчик, играет в войну, уснащая желанной романтикой бесстрашия и отваги партизанской вольности свой боевой быт, свою близость к Чапаеву, свою чистую и ласковую любовь к Анне.

Для лепки этого образа сценаристы отобрали из литературного наследия Фурманова опять-таки лишь самые необходимые и выразительные

эпизоды, заставив психологически действительно играть каждое слово.

Вот он, полный юношески-непосредственного сознания своей почетной роли ближайшего к Чапаеву человека, его стража и адъютанта,ющего эффективным способом призвать окружающих к порядку.

В дверях деревенской избы, где обосновался Чапаев, «...показался Петька. Он недовольно окидывает взглядом группу около ткачей, вытаскивает из кобуры наган, бабахает в воздух и орет:

— Тихо, граждане... Чапай думать будет!

В наступившей тишине Петька важно опускается на ступени крыльца.

Так выступает веселый паренек Петька «пол-предом» Чапаева, недоступным и важным.

Вот он поздней ночью в избе наедине с Чапаевым,— не ложившимся и напряженно работающим над картой. Петька просыпается и во стороженно наблюдает за ним. Наружу рвется все ребячливое любопытство и восхищение, и он засыпает начиная градом вопросов, начиняя их забавным хитро построенным (а Петька — умница) недоумением:

«— Гляжу я на тебя Василь Иванович, недоступный ты для моего разума человск... Наполеон... Прямо — Наполеон!»

И далее идут вопросы, может ли, мол, Чапаев командовать армией, фронтом — и, наконец, всеми вооруженными силами республики. И когда все подтверждает Чапаев — мол, может, а для всех вооруженных сил нужно «малость только подучиться», — Петька окончательно умиляется и выпадивает:

«— Ну, а в мировом масштабе, Василь Иванович, совладаешь?

Чапаев задумался, потом серьезно ответил:
— Нет... Не сумею... Языков не знаю!.. Да спи ты, наконец, чортова болячки!

Петька испуганно забивается под овчину.

Глубоко эмоциональна сцена разговора Петьки с Анной по окончании освоения пулемета под Петькиным руководством.

Фоном для нее служит доносящаяся в избу грустная русская мелодия баяна. Петька косит на Анну глазом, хмурится.

Не умея произнести нужные любовные слова, он хорохорится, петушится, «подает» себя. Взял винтовку, закинул ремень за плечо.

«— Насчет герояства... с бабами... ты говорила... Вот к белякам ухожу — в гости.— И добавил с явной гордостью: — Чапай с комиссаром ответственное поручение дал...»

И на вопрос Анны, сможет ли он добить языка, он важно наивно-самоуверенно отвечает:
«Я — все могу».

И мелодия баяна окутывает неуклюжее, юношески, угловатое Петькино объяснение в любви.

Мелодийный, музыкальный фон, характеристика состояния, осуществляемая при помощи народных песен, вообще песенный склад некоторых сцен, усиливающие психологическое напряжение,— очень удачно использованный сценаристами прием.

Грусть расставания Чапаева с полюбившимся вопреки всем конфликтам первого времени комиссаром Фурмановым — кровным боевым другом — прекрасно раскрыта в песне Чапаева «Веселый разговор». В песне этой припев иро-

нически-печальный как бы опровергает спетое до него. И осень за окном, перед которым задо певает Чапаев, вторит этой грустной народной песне:

Отец сыну не поверил,
Что на свете есть любовь.—
Веселый разговор...

Взял сын саблю;
Взял он востру
И зарезал сам себя.
Веселый разговор...

На протяжении всей сцены подчеркивается печаль, гнетущая начдива, и вместе с тем нежелание ее проявить. Суровый воин борется с лирическим, душевным, ласковым человеком. Надо садиться в автомобиль. Фурманов протянул Чапаеву руку, но он «...не обратил внимания на протянутую руку, молча обнял Фурманова и крепко поцеловал. Потом, как бы стесняясь своего чувства, хлопнул Дмитрия по плечу и отвернулся». А потом, когда шофер тронул машину, «Чапаев дернулся было вперед и остановился».

В начале этой статьи я отмечал, как важно, чтобы описательная часть сценария была динамизирована, достаточно зrima для воплощения в фильме, не загромождена подробностями, и как необходимо, чтобы элементы пейзажа кратко «сформулированные» в сценарии, усиливали бы основное действие, создавали бы настроение, углубляли бы психологию. Можно привести ряд примеров того, как хорошоправляются с этим сценаристы, но я ограничусь лишь одним.

Приближается Лбищанская трагедия. Сонных, усталых чапаевцев окружают белые. Какой тре-

вогой насыщены фразы сценария! Они коротко вспыхивают, как молния в ночи. Калейдоскоп быстро сменяющихся кадров подводят к трагической развязке.

«Ночь над станицей. Тишина. Спят бойцы.
...Тихо в станице.

В лесу темно. Цокают копытами кони... Конники едут молча. Как во сне проплывают бородатые лица матерых казаков...

...Спят бойцы. Спит Анна, доверчиво положив голову на плечо Петьки.

У оконицы в темноте промелькнули согнутые фигуры. Они бесшумно, почти распластавшись на земле, двигаются к станице. Вот впереди — силуэты часовых.

Тени замерли на минуту... Метнулись вперед...

Короткий стон. И два трупа отброшены в сторону.

Огромный казак, нелепо вытянувшись, посмотрел на своего офицера. Офицер положил пальцы в рот и свистнул. Свист разнесся и замер. И т. д.

Можно привести многочисленные характеристики и доказательства силы психологической разработки сценария, но мне кажется, что достаточно и приведенных в контексте, предшествующем изложению. Тем более, что дальнейшие убедительные свидетельства этого мы обнаружим при анализе образа главного героя — легендарного начдива Чапаева.

Для образа Чапаева сценаристы-режиссеры умело отобрали в литературном наследии Фурманова и умело интерпретировали в сценарии те элементы, которые составляют главную сущность ча-

чаевского характера: органическую народность, стихийную одухотворенность идеей освобождения трудящихся от капиталистической кабалы, из которой как следствие вырастает героико-романтический чапаевский склад. Это положительная сторона образа. Но характер Чапаева противоречив. Высокая идейность сталкивается в нем с буйным партизанским анархизмом, своеобразием. И трудность задачи построения сценария в том и состояла, чтобы показать психологически ярко, эмоционально, проводя героя через ряд бурных конфликтов и противоречий, правду становления нового Чапаева, понявшего, что его своеобразие и даже атаманское тщеславие должны быть принесены в жертву революционной, партийной дисциплине. Что только при этом условии возможно реальное осуществление его идеалов.

Русские народные черты, являющиеся основой характера Чапаева, раскрыты в сценарии с очень большой убедительностью. Ласковое поощрение любви Петьки и Анны, связанное с мечтами о будущей великолепной жизни — такой, что умирать не надо; нерушимое боевое товарищество (я бы сказал — некая патриархальность характера связи с командирами своей дивизии); тонкий юмор и смекалка, сквозящие и в сцене с Фурмановым, допытывающимся у Чапаева, за какой он стоит Интернационал, и в разговоре с Анной после отбитой психической атаки. Сошлемся еще на заключительную часть сцены тактического обуздания Фурмановым своеобразия Чапаева по отношению к ветврачу, когда фурмановский рассказ об Александре Македонском ехидно прищурившийся Чапаев концентрирует репликой: «А ты откуда знаешь?.. Две тысячи лет тому назад!.. Э?» Все

эти и много других характерных деталей живописуют сына русского народа.

Я хотел бы акцентировать в данной связи одно место сценария. Петька, отправившись ловить языка, нашел его в лице ординарца полковника Бороздина казака Потапова и отпустил его. Когда он рассказывает Чапаеву, почему это произошло, тот внутренне душевно явно солидаризируется с поступком Петьки, но внешне старается не показать этого, угрожая Петьке трибуналом, которого он, говоря строго по-военному, вполне заслужил.

Почему Чапаев внутренне сочувственно слушал Петьку? Потому что его душе было близко человеческое, гуманное, уважительное — если можно так выразиться — отношение к горю старого человека из народа, которое чисто по-русски проявил Петька. Тем более, что зло этому человеку причинено классовым врагом.

Народ тоскует по образованию, которого ему не давали, от которого его отирали при царском режиме. Жадная тяга к знанию, горькая обида на темноту свою — органическая черта нашего народа. Вспомним, какой печальной иронией звучит ответ Чапаева на вопрос Петьки, могли бы он, Чапаев, быть командиром «в мировом масштабе»: мог бы, мол, да языков не знаю.

Чапаевскую жажду знаний сценарий прекрасно раскрывает в заключительной части сцены конфликта с Фурмановым по поводу чапаевского наскока на ветврача и ветфельдшера.

Чапаевское «Почему не знаю? Должен знать!» — черта глубоко социальная, — черта утверждения народного права на знание. И братья Васильевы правильно поступили, не пожалев места в сцена-

рии для большой сцены с ветвречем и ветфельдшером.

Эритель не может не почувствовать, что буйство Чапаева есть только недисциплинированное, бесшабашное проявление обиды за народ, не допускаемый к образованию. Чапаев искренне верит в этот момент, что «ученые» ветеринары умышленно злобно не желают экзаменовать. Врач передает Фурманову реплику Чапаева. «Знаем, говорит, мы вас, сукиных детей: ни одному мухику из доктора выйти не даете... Экзаменовать, говорит, немедленно!»

Чтобы через архангельскую форму чапаевского своеобразия ярче простила его народная, социальная подоплека, его сущность, сценаристы очень умно и умело определяют место этих кадров в фильме: они «зажаты» между анализированными выше двумя сценами у Бородина, в штабном вагоне белых. Барская культурность белого полковника, его спокойный внешний либерализм, по сути дела маскирующий презрение к простым людям,— все это прекрасно оттеняет взволнованность, ограниченность, страсть чапаевского бунта за образование, его народной обиды, его воли к знанию.

Чапаевская смекалка, быстрый ум и уменье здраво оценить обстановку, сопряженные с порывистостью и стремительностью его характера, являются лейтмотивом всего сценария. Особенно рельефно и характерно предстают они перед нами в сцене разъяснения места командира в строю. Не будет преувеличением утверждение, что кадры эти являются образцовыми и с точки зрения специфически кинематографического, активного, динамического обыгрывания предметов. Притом

обыгрывание это лишено малейшей тени самозельности и целиком служит раскрытию вышеуказанных черт чапаевской натуры. В этой сцене Чапаев купается в своей стихии — в стихии боя. Как полководец, он анализирует тактическую задачу и вместе с тем по-детски непосредственно упивается военной игрой, прославляющей беззаветную смелость и мудрую осторожность командинра.

Сцена очень удачно начинается с почти парадоксального диалога Чапаева с комбригом Еланем, явившимся с перевязанной рукой.

Чапаев косится на Еланя.

«— Ранен?

Елань вытянулся:

— Ранен, Василь Иванович! — В голосе его явно сквозил оттенок гордости.

— Ну, и дурак! — спокойно произнес Чапаев...
Елань недоуменно уставился на своего командинра.

Чапаев откусил яблоко и, хрустя им, заговорил:

— Ты есть комбриг, мой боевой заместитель, и подставлять свой лоб всякой дурацкой пуле не имеешь права...»

И далее идет совершенно блестательная в своей стремительной быстроте инсценировка боевых моментов.. при помощи картошек, котелка, трубки и папирос, которые Чапаев по мере развития своего урока вводит в действие в качестве наглядных пособий.

Сценарий дает не только очень активное развитие действия, но, повторяю, столь же активное движение характера Чапаева, превращение его из буйного, анархистующего командинра партизан-

ской вольницы в дисциплинированного командира дивизии Рабоче-Крестьянской Красной Армии. В столь страстной, романтически приподнятой, сильной и властной натуре, как Василий Иванович Чапаев, трудность этого превращения, естественно, выражается в бурных проявлениях первоначального внутреннего сопротивления освоению новых качеств. Эти чапаевские взрывы в сценарии разработаны очень жизненно, ярко. И особенно тонко характеризованы искренняя, органически народная гордость и удовлетворенность освоением нового понимания вещей, связывающих начдива с делом партии, помогающих ему приблизиться к тому великому социалистическому идеалу, который стихийно живет в нем как буйный-протест против угнетения и эксплуатации.

Вся сложность этих противоречий проявляется через его взаимоотношения с комиссаром Дмитрием Фурмановым.

Образ Фурманова в сценарии мало жизненен, несколько догматичен. Фурманов скорее является абстрактным носителем идеи, чем живым человеком. А ведь характер Фурманова — этого кристально чистого, ласкового человека, умевшего быть по-большевистски твердым, непримиримым и беззаветно храбрым без намека на бравирование этой храбростью,— давал прекрасный материал для сценарного воплощения.

Думается, что неудача с образом Фурманова произошла из-за того, что, используя как основу для сценария фурмановские литературные материалы, в которых, естественно, самохарактеристика (да еще к тому же столь скромного поатуре человека) была менее всего акцентирована; сценаристы не додумали образ «от себя». Они,

таким образом, ограничились лишь «инсценировкой мировоззрения» писателя, не создавши психологической характеристики.

Но авторы так умело, так впечатляюще характеризовали преодоление чапаевских противоречий, в которых Фурманов является, так сказать, катализатором¹, что зритель от себя дописывает и образ Фурманова.

С самого начала Чапаев, соблюдая еще видимость спокойствия, принимает Фурманова недоброжелательно-настороженно (зачем, мол, Чапаеву, боевому начдиву, иняньку какую-то навязали). Кроме того, он относится к нему несколько презрительно, как к «штатскому», к новичку в военном деле. Даже пытается его «разыгрывать» со свойственным Чапаеву острым народным юмором, носящим в данном случае несколько угрюмоворчливый характер. Но Фурманов своей целеустремленностью, выдержанкой, смелостью и спокойной настойчивостью завоевывает и Чапаева, и командиров, и бойцов дивизии, и всегда делает это так, чтобы начдив не чувствовал преднамеренного политического руководства.

Сцена с ветврачом, когда Чапаев ломает табурет, неожиданно разряжается разговором об Александре Македонском. И здесь же Фурманов, тщательно взвешивая слова, пользуется случаем, чтобы подействовать на самолюбие Чапаева как командира: «Я давно хотел тебе сказать, Чапаев... Ты бы подтянулся малость, что ли... По-

¹ Так называются вещества, возбуждающие или ускоряющие химическую реакцию, в ней видимым образом не участвующие, а действующие только своим присутствием.

стоянно ходишь в таком... затрапезном виде!.. А ты теперь командир регулярной Красной Армии... Бойцам пример подавать должен!..» И мы чувствуем по всему построению спины, что Чапаев, хоть внешне и ершится, но внутренне прислушивается к этому.

В дальнейшем, пройдя через много психологических конфликтов, он скажет Петьке, незаметно для себя аргументируя фурмановскими словами:

«— И вообще ты маненько подтянись! Ходишь... в каком-то... затрапезном виде!..

— ...Ты есть сознательный боец регулярной Красной Армии... мой ординарец... Должен бойцам пример показывать, а ты ходишь, как бысяк!..»

За разрядкой одного конфликта через некоторое время возникает другой, уже значительно более принципиальный и грозный. Фурманов теперь посягнул уже далеко не на внешность, а на чапаевское святая святых — на боевого друга его — Жихарева. Развитие и ликвидация этого конфликта даны в сценарии, пожалуй, наиболее выразительно. Они умно сопряжены с действенным вмешательством широко звучащего идеиного, социального момента — реагированием крестьянства.

Так рождается, преодолевая внутренние противоречия, новый человек в огне героической гражданской войны.

Чапаев теперь горд своим комиссаром, и ему кажется, что и замечательный комиссар подобран партией потому, что он послан не к кому-нибудь, а к Чапаеву...

И когда Петька таинственно ему шепчет:
«— Василь Иванович! А комиссар-то парень...»

Чапаев «с оттенком хвастливой гордости» бросает реплику:

«— ...Знаешь, уж к Чапаеву не пришлют... замухрышку какого-нибудь!..»

* * *

С момента своего появления на экранах в 1934 году и по сей день фильм «Чапаев» продолжает глубоко волновать советского зрителя. Он не только выдерживает испытание времени, не только не стареет и сохраняет свою первоначальную романтическую свежесть и обаяние,— он по-новому воспринимается нами в грозную героническую эпоху Великой отечественной войны. Это потому, что существо этого фильма представляет собой сплав драгоценных, стойких материалов: высокой социалистической идеиности, глубокой эмоционально выраженной человечности и революционной страсти и воли.

Этот фильм «незримо и крепко умножает связь партии с массой». Художественное произведение высокой пробы, «Чапаев» убедительно и красноречиво демонстрирует организующую роль партии, «Чапаев» показывает, как партия подчиняет стихию и движет ее путями революции и побед». («Правда» № 320/6206, 21/XI 1934 г.).

Великую правду раскрывает этот глубоко реалистический фильм в образах, волнующих своей жизненностью. Сценарий умело лепит характеры, не только не избегая столкновения противоречий, а, наоборот, извлекая из столкновения противоречивых черт характера (особенно самого Чапаева) правду-истину становления нового человека нашей эпохи. Этот фильм, являясь высшей точкой

в ряду таких прекрасных произведений, как «Броненосец Потемкин», «Мать», «Трилогия о Максиме», «Ленин в Октябре», вызывает «благороднейшие чувства миллионов людей нашего времени: священную ненависть — к строю угнетения и эксплоатации, к его столпам и защитникам; беззаветную любовь — к героям, погибшим за счастье человечества, за социализм» («Правда» № 12/6258 от 12/1 1935 г.) «Чапаев» принадлежит к тем картинам, которые «заряжают зрителя бодростью, смелостью, готовностью к дальнейшей борьбе за социализм, готовностью к борьбе и уверенностью в победе» (там же).

Самый конец фильма — трагическая смерть Чапаева и Петьки — не угашает духа борьбы и героизма. Нет, наполняя яростью сердца советских патриотов, он укрепляет этот дух. Конец этого фильма, как бы взвывает: «Боритесь, бейтесь по-чапаевски, до последнего патрона, до последних возможностей. Боритесь в любой боевой обстановке, всеми средствами, всеми возможностями. Победите или, нанеся максимальный ущерб врагу, умрите. Стойте насмерть!»

Сценаристы очень правильно поступили, что не побоялись показать в фильме трагическую смерть Чапаева. Ведь можно было на каком-то этапе кончить фильм стыдливым «затемнением» не доказать, не расстраивать чувств зрителя. Они этого не сделали, ибо поняли, что трагедия, — если она подлинно идеяна, если она рисует иепримиримое столкновение противоборствующих сил, — очищает, возвышает зрителя-современника и не только не погружает его в пессимизм, но, наоборот, активизирует и наполняет волей к действию. Гибель героя за истинную в прогрессив-

ности своей идею возвеличивает идею и порождает новых героев.

Чапаевцы жестоко отомстили за смерть своего любимого командира.

* * *

В дни пятнадцатилетия советской кинематографии И. В. Сталин сказал, обращаясь к ее работникам:

«Советская власть ждет от вас новых успехов — новых фильмов, прославляющих подобно «Чапаеву», величие исторических дел борьбы за власть рабочих и крестьян Советского Союза, мобилизующих на выполнение новых задач и напоминающих как о достижениях, так и о трудностях социалистической стройки».

Образ Чапаева в этом фильме навсегда запечатлевается в нашем сердце.

Как орлиные крылья, развеивается бурка Чапаева, великого народного полководца, легендарного героя — действительно человека орлиного взлета.

И все, чем проникнут этот замечательный фильм, тесно сплетается с устремлением народов нашей родины в великую годину Отечественной войны, в грозное время борьбы не на жизнь, а на смерть с разбойниччьими ордами фашизма. «Чапаев» — как оружие, закаленное средствами высокого реалистического искусства, как глубоко современное оружие — поступает в арсенал нашей великой борьбы.

С о д е р ж а н и е

Чапаев (сценарий)	3
О. Бескин. Живой Чапаев	87

Редактор В. Лучинов

Л12335. Подписано к печати 7/1 1943 г. Печ. лист. 3^{3/4}.
Уч.-изд. л. 4,2. Зн. в 1 п. л. 47200. Изд. № 58. Тир. 2000.

Тип. „Красный печатник“ Гос. изд-ва „Искусство“. Москва
ул. 25 Октября, д. 5. Зак. 1477

Цена 3 руб.

